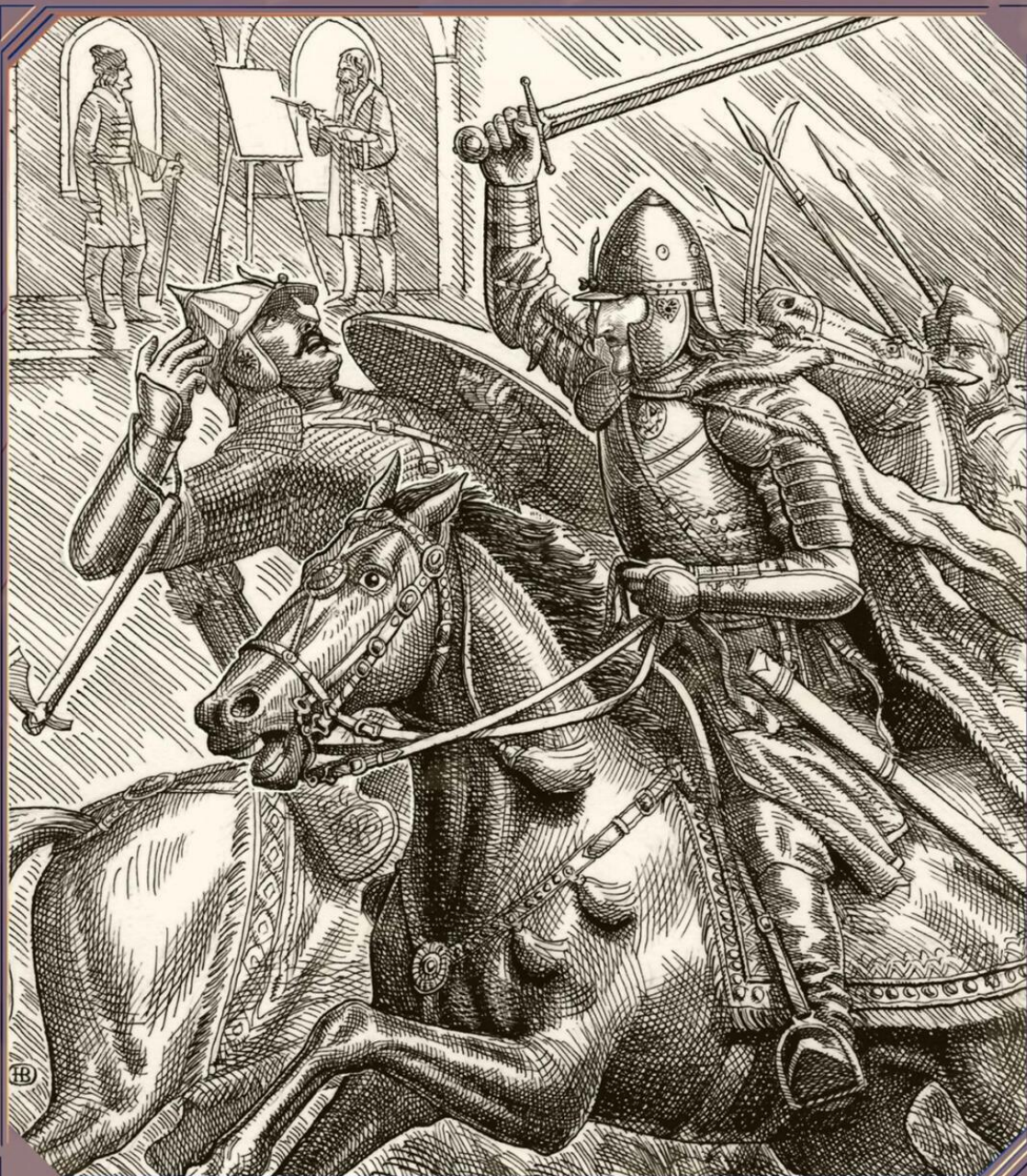

Светлана Лыжина ВАЛАШСКИЙ ДРАКОН

Влад Дракулович

Светлана Лыжина
Валашский дракон

«Автор»

2023

Лыжина С. С.

Валашский дракон / С. С. Лыжина — «Автор», 2023 — (Влад Дракулович)

Весна 1474 года. В венгерский город Вышеград прибывает престарелый живописец с учеником, чтобы нарисовать портрет «того самого Дракулы», заточённого в местную крепость по воле венгерского короля. Заточение длится много лет, имя Дракулы успело обрасти жуткими легендами, и уже почти забылись времена, когда он был известен как валашский (румынский) князь Влад III, который отважился с небольшой армией бросить вызов огромной Османской империи. Если бы много лет назад венгерский король всё же сдержал обещание и тоже выступил в поход, то, кто знает, как повернулось бы дело. Однако помощь из Венгрии не пришла, а Влад оказался оклеветан и осуждён теми, кто так и не решился поддержать его в борьбе за свободу от турецкого владычества. Эта книга — продолжение романа «Драконий пир». Является третьей в цикле из четырёх художественных книг об историческом Дракуле.

© Лыжина С. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Об авторе	5
Валашский дракон	7
Часть I	8
Часть II	29
Часть III	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Светлана Лыжина

Валашский дракон

Об авторе

Современная российская писательница Светлана Лыжина в своём творчестве специализируется на средневековой истории Юго-Восточной Европы, а особое внимание уделяет Румынии и Молдавии. Интерес российского автора к этим двум странам не случаен, поскольку в XV веке они причислялись не к «западной цивилизации», а к периферии славянского мира и наряду с Русью получили у «просвещённых европейцев» наименование «восточных» государств.

По мнению Светланы Лыжиной, средневековая история этого региона удивительно похожа на аналогичный период в русской истории, что даёт простор для проведения скрытых параллелей и переосмысления вопроса о взаимоотношениях Востока и Запада.

Изучение истории и культуры Румынии и Молдавии писательница начала в институтской библиотеке МГИМО, будучи студенткой журналистского факультета и таким образом получив доступ к фонду, где представлены не только современные издания, но и редкие книги XIX века. Свои исследования она продолжила в московской Исторической библиотеке, а позднее совершила несколько путешествий по историческим местам, находящимся на территории современных Румынии и Венгрии.

Одновременно было изучено множество исторических документов на старославянском, латыни и раннеитальянском языках. Изучение этих источников в оригинале позволило автору непредвзято взглянуть на их содержание, и этот взгляд не во всём совпал с распространёнными трактовками и пересказами, которые встречаются в исторической литературе.

Накопленный материал настоятельно требовал воплощения в тексте, причём в художественном, поэтому Светлана Лыжина, поступила на заочное отделение Литературного института им. Горького, ведь уже имеющееся журналистское образование, полученное в МГИМО, казалось достаточным только для написания небольших произведений, но не для объёмного исторического повествования.

Первым удачным литературным опытом Светланы Лыжиной стал роман «Время дракона», законченный в 2013 году и повествующий об одном из самых известных исторических и фольклорных персонажей Восточной Европы. Этим персонажем является румынский (валашский) государь Влад III Дракул, больше известный как «воевода Дракула» или Влад Цепеш.

Ему же посвящён другой роман Светланы Лыжиной – «Дракула и два ворона». Книга была опубликована в 2015 году под заглавием «Валашский дракон» и стала официальным литературным дебютом автора.

К настоящему времени завершена работа над четырьмя романами о Дракуле, освещающими разные периоды его жизни. «Время дракона» рассказывает о ранних годах главного героя и его взаимоотношениях с отцом, а также видными историческими деятелями той эпохи. Роман «Дракулов пир» повествует о борьбе Дракулы за отцовский трон, в результате которой он и заслужил свою особенную славу. «Дракула и два ворона» рассказывает о героическом противостоянии с турками, а «Принцесса Ильяна» – попытка реконструировать последние годы жизни Дракулы и понять причину его гибели.

Книги Светланы Лыжиной получили высокую оценку ряда читателей, но в то же время подвергаются критике за непривычный, очеловеченный образ Дракулы, поскольку этот персонаж гораздо чаще предстаёт на страницах романов как вампир, а не как реальное историческое лицо.

Избранная библиография Светланы Лыжиной:

Время дракона, 2018 (авторское название: «Влад Дракулович»)

Драконий пир, 2019 (авторское название: «Дракулов пир»)

Валашский дракон 2015, 2019 (авторское название: «Дракула и два ворона»)

Принцесса Иляна, 2019

Валашский дракон

Если бы от нас Бог отвернулся, а маленькое государство наше подверглось бы турецкой напасти и притом погибло, то для вас от этого тоже не получилось бы блага и пользы.

*Из письма князя Влада III,
больше известного как Дракула,
к венгерскому королю Матьяшу I
в феврале 1462 года*

Часть I

Несмотря на ранний час, на пристанях венгерской столицы все деловито сустились, словно старались нагнать то, что было упущено за время зимнего простоя. До конца февраля Дунай дремал, лениво сплавляя по течению ломкие льдины. Они делали судоходство опасным, поэтому вместе с рекой дремали и причалы. Бездействовать приходилось и тогда, когда река, проснувшись, разлилась во всю ширь, понесла вниз по течению обломки деревьев, и лишь сейчас, в начале апреля, снова пришла пора засучить рукава.

Рыбаки, а иногда их жены и дети, вытаскивали из лодок плоские корзины со свежельвленной рыбой, привезённой сюда для продажи. Городские ворота уже открылись, а значит, рынки стали заполняться разным людом, приехавшим из окрестных деревень, чтобы предложить горожанам скромные плоды крестьянского труда.

Иноземные купцы тоже не зевали, разгружая свои корабли, доставлявшие в столицу Венгерского королевства дорогие и редкие товары, которые не купишь на уличном рынке. А вот некоторые гости уже отчаливали, бросая последний взгляд на шпили соборов, на башни королевского дворца, на каменную крепость и на домики с красными черепичными крышами, которые столпились возле берега рядом с крепостными стенами, будто стоя серых гусей.

Одним из гостей, покидавших венгерскую столицу, был купец Урсу Богат – человек высокого роста и крепкого телосложения. Любый живописец усмотрел бы в нём сходство с библейским Самсоном или греческим героем Гераклом, но сам купец говорил, что это всё ерунда, потому что он носит имя Урсу, означающее «медведь».

Наверное, как раз из-за своей медвежьей силы этот человек не имел страха ни перед кем и плавал по Дунаю до самых низовьев – туда, где вдоль правого берега живут турки, а ведь от этого народа никогда не знаешь, чего ждать.

Накупив турецкого товара, Урсу разворачивался и плыл вверх по реке, к венграм, которые охотно покупали восточные вещи, но к самому торговцу относились настороженно. Его считали почти разбойником, и не без основания, ведь в венгерской столице многие опознавали этого человека по длиннополному турецкому кафтану и широким шароварам, а в христианских странах так станет одеваться только разбойник.

Сейчас, покидая город, Урсу Богат стоял на палубе и по-хозяйски следил, как помощники с помощью руля и паруса заставляют судно отойти от пристани. Выбравшись на середину реки, корабль ошестинился восемнадцатью вёслами, в помощь попутному ветру, и двинулся вверх по течению, ведь ещё не все восточные товары были распроданы.

Заодно с товарами купец вёз на своём судне двух пассажиров, один из которых в эту минуту бродил по проходу между скамьями гребцов, а второй удалился в трюм, чтобы устроиться на тюках с товарами и вздремнуть. Оба пассажира были выходцами из Флоренции, обосновавшимися в Венгрии некоторое время назад, – любитель поспать был живописцем, служившим при дворе венгерского короля, а тот, что предпочёл гулять по палубе, состоял у живописца в учениках.

Эти двое флорентийцев замечательно дополняли друг друга. Живописец состарился настолько, что лишился половины волос на макушке, зато ученик, ещё совсем юноша, обладал густой кудрявой шевелюрой. Старик, как и многие в его годы, отличался замкнутостью, а вот ученик был открыт и разговорчив, поэтому за несколько лет жизни в Венгрии хорошо выучил местный язык.

Сейчас, прохаживаясь по палубе, молодой флорентиец досадовал, что не может воспользоваться своими языковыми познаниями, ведь люди на корабле говорили не по-венгерски, а на

другом языке – валашском¹. Только Урсу Богат мог говорить по-венгерски, но сейчас выглядел занятым, не имеющим времени для болтовни. Он лишь спросил молодого пассажира:

– Господин, тебе по ногам-то не дуёт?

– Нет, мне совсем не дуёт, – покачал головой юноша, оглядывая свои синие штаны-чулки из плотной шерстяной ткани.

– А то смотри, ветер с реки холодный. Возьми там внизу шкуру коровью, сядь и укройся, – не унимался купец. – Кафтан-то у тебя больно короток. И плащ тоже...

Молодой человек лишь отмахнулся, уже давно привыкнув, что в Венгрии его манера одеваться не всегда встречает понимание. «Я одет совсем не дурно», – думал он, однако на взгляд здешних простолюдинов штаны-чулки смотрелись голо, будто на ногах совсем ничего нет. Короткие верхние штаны, плотно прилегающие к бёдрам и украшенные рюшами, вызывали смех, потому что кто-нибудь, не искушённый в моде, частенько усматривал во всём этом сходство с окорочками курицы. Гульфик, дополнявший штаны, вызывал ещё больше веселья и вопрос: «Ты вот то место прячешь или наоборот им хвастаешь?» – а по поводу башмаков всякие доброхоты часто советовали: «Купил бы себе другие! В твоей обуви по грязи не пройдёшь».

Очевидно, во главу угла советчики ставили простоту, удобство, но не красоту, как и Урсу Богат, поэтому изящная куртка из красного бархата казалась купцу куцей, а плащ, не достигающий даже до колен, – излишне коротким и не способным защитить от стужи.

Конечно, флорентиец считал иначе, и пусть апрельское утро ещё дышало холодом, но тут же старалось согреть всех приветливыми лучами солнышка, поэтому юный щёголь даже не думал утепляться. Весной он благополучно забывал, что венгерский климат суровее, чем климат родной Флоренции, в которой снег доводилось видеть лишь раз в несколько лет.

Снег во Флоренции выпадал всегда неожиданно и, ложась на траву и листья деревьев, создавал удивительное сочетание белого с зеленым, странно действовавшее на людей. Мальчишек оно делало весёлыми и неугомонными, девиц – задумчивыми, монахов – вдвойне набожными, а мужчин – более торопливыми или более степенными, смотря по одежке, ведь гулять в лёгком коротком плаще в такую погоду всё-таки холодновато. Лошади, ослы и уличные собаки, не привыкшие к наледи, оскальзывались на брусчатых мостовых. Цвет неба начинал напоминать о топлёном молоке, а воздух становился прохладен и чист.

Снежное волшебство во Флоренции длилось совсем недолго, а вот в Венгрии белый покров мог держаться полтора, а то и два месяца подряд, поэтому ученик живописца, приехав вместе с учителем на чужбину, старался лишний раз не высовываться из дому в зимнее время. Благо, сосед, живший напротив, всегда был рад сыграть в шашки и по первому же зову – как есть, в домашнем колпаке, плотно натянутом на голову, – прибежал к приятелю через улицу, оставляя на снегу угловатые следы от шлёпанцев с деревянными подошвами.

Улица, где всё это происходило, была особенной. Юный флорентиец давно привык, что только там его могут запросто окликнуть по имени: «Эй, Джулиано!» – ведь только там жили земляки, которые за многие мили от отчизны становятся почти братьями и при разговоре отбрасывают церемонии. Венгры никогда не обратились бы запросто. Они говорили «господин Джулиано» или даже называли по фамилии – «господин Питтори». А вот на особенной улице, где селились те, кто приехал из Флоренции, Рима, Неаполя и других мест с того же полуострова, Джулиано никогда не слышал свою фамилию – только имя, которое могло упоминаться даже вперемешку с бранными словами, но всё равно родными.

О родине здесь напоминал и запах разогретого сыра, поэтому Джулиано прямо-таки блаженствовал, когда окна в кухнях домов отворялись, выпуская наружу «тот самый» аромат.

¹ Валахия – вплоть до XIX века так называли румынское государство другие народы. Сами румыны называли его Румынской Страной, а название Валахия использовали в официальных документах и письмах, составленных на иностранных языках.

Жаль, что его частенько перебивала рыбная вонь с площади, находившейся в конце улицы. Там, перед собором Божьей Матери, стояли крытые прилавки, заваленные свежим и несвежим уловом. Ветер оттуда подует и...

Однажды юноша, остановившись посреди своей улицы, во всеуслышание заругался на ветер, мешавший вдыхать «райские ароматы». Жалобную тираду услышала жена соседа, любившего играть в шашки, и пригласила пообедать. Самого соседа не оказалось дома, но кто сказал, что замужняя женщина непременно должна сторониться друзей своего супруга?

И вот теперь Джулиано на время лишился даже тех скромных радостей, которые давала венгерская столица, – ему «по долгу службы» пришлось отправиться на север страны, в некий Вышеград, потому что живописец, у которого Джулиано состоял в учениках, получил от венгерского короля заказ.

Заказ этот с самого начала казался довольно странным, ведь Его Величеству вздумалось получить портрет не кого-нибудь, а узника – своего кузена, сидящего в крепости. Портреты заключённых – явление довольно редкое, да и сам «кузен» был фигурой необычной. Ещё до того, как оказаться в тюрьме, он вызывал толки – его считали страшным злодеем.

«Не самая лучшая модель для портрета, но нам с учителем выбирать не приходится», – думал Джулиано и даже радовался, что старик учитель получил хоть какое-то задание от короля. Заказов наверняка поступало бы больше, если б седовласый живописец работал быстрее. Недаром же в прежние времена он считался одним из искуснейших мастеров во Флоренции! Однако годы не прибавляют глазам зоркости, а руке – твёрдости, что сказывается на скорости работы.

Это началось ещё на родине – заказчики позабыли дорогу в мастерскую, отсутствие заказов означает нищету, а ждать помощи было неоткуда. Вот почему прославленный мастер на старости лет отправился искать счастья на чужбину, в Венгрию, взяв с собой только одного ученика, по большому счёту являвшегося для своего учителя нянькой.

Оказавшись на корабле, «нянька» наконец смог позволить себе отдых. Престарелое «дитя» уснуло, так что Джулиано прохаживался по палубе, размышляя о разных пустяках, и с удовольствием поглядывал по сторонам.

Река, по которой двигался корабль, тёкла меж равнин, напоминавших то ткань из коричневых лоскутов, то сплошной жёлто-зелёный ковёр. Иногда равнины уступали место пологим холмам, покрытым тёмным лесом, спускавшимся прямо к реке, а поскольку уровень воды оставался по-весеннему высоким, многие деревья оказались подтоплены, и их отражение смотрелось очень красиво даже издали.

Впереди, за лесами и равнинами, на фоне ярко-голубого неба вырисовывались синие силуэты гор, и именно там, среди гор, затерялся Вышеград с древней крепостью, в которой содержали кузена Его Величества. «Что бы ни ждало в крепости, сейчас можно об этом не беспокоиться», – говорил себе Джулиано, и эта присказка наравне с замечательной погодой поддерживала в нём хорошее настроение. Он не понимал своего учителя – как в такую чудесную весеннюю пору можно сидеть в трюме и слушать только плеск волн, ударяющих в днище корабля!

Головы гребцов мешали юноше любоваться видами, поэтому он перешёл на корму и встал поближе к борту, но тут к пассажиру приблизился купец Урсу, который, судя по всему, покончил с текущими делами:

- Господин, ты прости моё любопытство, но вот хочется мне знать, – аккуратно начал он.
- А что именно? – любезно отозвался Джулиано.
- Придворный рисовальщик, наверно, должность важная? – спросил купец.
- Не такая уж важная, но вполне достойная, – улыбнулся флорентиец.
- Значит, и ты при дворе не последний человек, если у придворного рисовальщика в учениках? – продолжал спрашивать Урсу.

– Ну... да, – снова улыбнулся Джулиано.

– А короля видеть случается? Наверно, по несколько раз на неделе встречаешь? Но простыми людьми не брезгуешь! Молодец! Так и надо!

– Мне случается видеть Его Величество вовсе не так часто, – пожал плечами флорентиец, явно польщенный.

– А скажи, правда, будто король надумал жениться? Я слышал, что невеста-то – ваша землячка.

– Я тоже слышал о намерениях Его Величества, – отвечал Джулиано, – но невеста родом вовсе не из Флоренции, а из Неаполя.

Наверное, купец не видел большой разницы между Флоренцией и Неаполем, поскольку, услышав замечание собеседника, не задумался ни на мгновение:

– Ну и как дело, на мази? Есть надежда, что в будущем году поженятся?

– Надежды мало, – ответил Джулиано. – Его Величество не особенно торопится, да и по поводу приданого пока не договорились. Думаю, если этот брак состоится, то года через два, не раньше.

– Да? Ну что ж, подождём, – кивнул Урсу.

– А почему свадьба Его Величества так важна для вас? – в свою очередь принялся спрашивать флорентиец.

Урсу подозрительно посмотрел на Джулиано, но затем добродушно усмехнулся:

– Ты торговлей не занимаешься, поэтому тебе скажу, но ты уж про это никому не говори.

– Про что?

– Свадьба-то будет пышная, – стал объяснять Урсу. – На ней вся знать станет пировать. Вот я и думаю, что ближе к свадьбе надо закупить побольше шёлка, а также других тканей, что подороже, ну и про пряности не забыть. Думаю, ближе к торжествам всё это подскочит в цене, а тут как раз я со своим товаром. Получу хорошие барыши. Только бы не прогадать! А ты про это никому не говори. Не станешь?

– Разумеется, не стану, – горячо заверил юноша своего собеседника, положив руку на сердце.

Урсу больше ни о чём не спрашивал.

– Господин, а дозволю спросить мне, – вдруг заговорил долговязый человек, стоявший у руля и, как оказалось, тоже хорошо знавший по-венгерски. Рулевому по должности положено находиться на корме, поэтому он стал невольным свидетелем беседы.

– Дозволь полюбопытствовать, – повторил долговязый, а Джулиано, глядя на него, подумал, что тот выглядит вполне живописно – вон как запрокинулся, обхватив обеими руками рулевой рычаг. Высокий рост делал линию изгиба спины и ног очень выразительной, и пусть этого казалось недостаточно, чтобы рулевой стал главным героем картины, но вместе с пейзажем за спиной он мог бы послужить фоном для некоей сценки из жизни корабельщиков.

– Это мой помощник Лаче, – представил его Урсу.

– Очень рад познакомиться, – кивнул Джулиано.

– Рад? – простодушно переспросил Лаче. – А чему радоваться? Мы – люди простые. С нами знакомство водить – невелика корысть.

– И всё же я рад, – ответил флорентиец, считавший, что любезность никогда не бывает лишней.

– Слышал, вы с учителем едете в Вышеград, – произнёс Лаче.

– Да.

– А останетесь надолго?

– Не знаю, – флорентиец задумался. – Зависит от того, как пойдут дела.

– А что за дела у вас там?

– Его Величество заказал нам портрет своего кузена, – непринуждённо ответил Джулиано.

– Кузена? – озадаченно переспросил Лаче. Наверное, он не очень понимал слово «кузен».

– Да, – всё так же непринуждённо отвечал Джулиано. – Этот кузен заточён в крепости в Вышеграде.

– Так вот, значит, как! – Лаче наконец понял, о ком речь, и необычайно оживился. – Значит, того самого рисовать будете?

– Да, – улыбнулся Джулиано, – а ты тоже слышан об этом человеке?

– Кто же о нём не слышан! – воскликнул Лаче. – Все слышаны! Он же наш бывший государь. Знаменитый человек! И государь был хороший.

Рулевой улыбнулся и посмотрел вдаль, мимо собеседника – может, выбирал, куда направить корабль, а может, вспомнил что-то очень давнее и приятное. Джулиано не знал, как истолковать этот взгляд, и почему Лаче отзывается об узнике благожелательно.

Наконец, флорентиец отважился переспросить:

– Хороший государь? Хороший? А мы говорим об одном и том же бывшем правителе Валахии?

Лаче не ответил, а купец Урсу усмехнулся:

– В Вышеграде сидит только один. Других там нет.

Джулиано, по-прежнему ничего не понимавший, продолжал спрашивать:

– Вы говорите про человека, которого зовут Ладислав Дракула?

– В моих родных краях его зовут Влад Дракул², – ответил Лаче. – А государем он был хорошим. И человек он добрый.

– Добрый? Хороший? – недоумевал флорентиец.

– А чем же он плох? – спросил Урсу с некоторым вызовом.

Джулиано ясно различил этот вызов, но готов был отстаивать своё мнение:

– Чем плох?! – воскликнул он. – Да ведь этого Дракулу как только не именуют – зверем в человеческом обличье, извергом, иногда безумцем!

– Это наговоры, – уверенно ответил Лаче.

– Я слышал про Дракулу из уст разных рассказчиков, друг с другом незнакомых, – возразил Джулиано. – Не может быть, чтобы все эти господа ошибались. Мне говорили, что по его приказу было убито и замучено множество народу. Может быть, даже сто тысяч!

– Наговоры, – упрямо твердил долговязый рулевой, а флорентиец всё больше распалялся, отстаивая свою точку зрения.

– Не знаю, как можно считать Дракулу хорошим, если он сговорился с турками. Он хотел обмануть Его Величество – заставить пойти в поход на султана, чтобы Его Величество со всем войском двинулся через горы и угодил в турецкую ловушку, устроенную в подходящем ущелье. Неужели вы станете защищать человека, который хотел отдать христиан в руки нечестивцам? Достаточно уже того, что король проявил милосердие к этому коварному человеку и всего лишь отправил в Вышеград, вместо того чтобы отрубить голову.

Флорентиец был доволен своей речью. «Такая речь кого угодно убедит», – полагал он, но Лаче вдруг посмотрел на Джулиано злыми глазами, будто сейчас набросится и поколотит. К счастью, долговязому требовалось управлять судном, поэтому руки были заняты, и он не пустил их в дело, а лишь закричал:

– Ты чужое враньё слушал, а я сам родом из той земли, где Дракул правил! Я своими глазами его видел и даже сам с ним говорил! Мне видней, хороший государь надо мной власт-

² Князь Влад III унаследовал своё прозвище от отца. В румынском варианте оно звучало как Дракул. Дракула (с «а» на конце) – исковерканный венгерский вариант.

вовал или плохой! А если будешь его дальше чернить, так я тебя сейчас выкину в воду! И плыви в Вышеград сам, как знаешь!

– Как это выкинешь? Я не умею плавать! – Джулиано испуганно попятился, но тут вмешался Урсу, который произнёс по-венгерски, чтобы его речь была понятна всем:

– Не горячись, Лаче. И ты успокойся, господин. Никто никого в реку бросать не станет. Деньги за провоз уплачены, а значит – надо довести до места, как договорено. Мы ведь не разбойники.

– Пускай он возьмёт назад все слова, что говорил про Дракула! – потребовал Лаче. – И пускай впредь ничего плохого не говорит!

– Господин так и сделает, – заверил купец своего рулевого и, обернувшись к пассажиру, спросил: – Да, господин?

– Я не хотел никого обидеть, – ответил Джулиано, уже успевший успокоиться и искренне готовый мириться.

– Лаче у нас большой спорщик, – объяснил Урсу, – распаляется от всякой искры. Такой уж у него характер, и ничего тут не поделаешь, но раз вышла ссора, нужно сказать друг другу добрые слова и помириться.

– Я не хотел никого обидеть, – повторил Джулиано, – и если мои речи показались оскорбительными, я прошу прощения.

– И ты меня прости, – виновато произнёс Лаче, а затем добавил с усмешкой. – Когда Влада Дракула увидишь, не говори ему того, что рассказывал мне. Он ведь тоже может обидеться.

– А теперь обнимитесь по обычаю, – велел Урсу и на время взял у Лаче руль.

Долговязый, освободив руки, шагнул к флорентийцу, порывисто обнял его и даже приподнял, так что пассажир на мгновение испугался: «Не кинут ли меня сейчас в реку, как обещали?» К счастью, обошлось, Джулиано снова почувствовал под ногами палубу.

Спорщики помирились, но Урсу, наблюдая за этой сценой, всё же выглядел не совсем довольным.

– Господин, – произнёс он, наконец, – а не желаешь ли послушать одну историю про Влада Дракула?

Джулиано улыбнулся:

– О! Вряд ли ты расскажешь мне что-то новое. Боюсь показаться хвастуном, но мне кажется, что я собрал все истории о Ладиславе Дракуле, которые только возможно.

– А про купца и сто шестьдесят дукатов слышал? – спросил Урсу.

Юный флорентиец задумался:

– А в конце истории купец будет брошен в костёр?

– Куда? – удивился Урсу. – В костёр? С чего ты взял?

– Мне рассказывали, – снова улыбнувшись, пояснил Джулиано, – что Дракула сжёт множество купцов вместе с товаром.

– Наговоры, – привычно отозвался на это рулевой, а хозяин корабля поспешил ответить:

– Нет, господин, в моей истории нет речи о костре.

– Значит, купец оказался на колу? – продолжал спрашивать молодой человек, чтобы показать свою высокую осведомлённость, но Урсу только поморщился от этих слов.

– Значит, твою историю я не слышал, – наконец, сдался юноша, и тогда купец, уже успевший снова передать помощнику руль, начал рассказывать:

– Когда Влад Дракул был государем, то явился к нему купец и пожаловался, что вот, дескать, приехал в столицу торговать, а случилась беда – пропали с воза деньги. Большие деньги!

– Да, пожалуй, незнакомое начало, – заметил флорентиец, а Урсу продолжал:

– Купец просил найти вора, а Дракул выслушал жалобщика и отвечает: «Будь по слову твоему. Если ты просишь, чтобы я нашёл вора, я его найду. Может даже, найду не одного, а двоих. Посмотрим, чем закончится сыск. А чтобы твоей торговле не было ущерба, возьми у моего казначея столько денег, скольких ты лишился». Купец сказал, что пропало сто шестьдесят золотых монет, после чего Дракул тут же распорядился, чтоб казначей дал эту сумму.

– Весьма щедро, – заметил Джулиано. Но Урсу возразил:

– Дело тут не в щедрости. Дракул решил купца испытать и тайно велел казначею положить в кошель на одну монету больше, чем надо, будто она случайно туда попала. А купец вернулся к себе на постоянный двор, счёл деньги и увидел, что одна монета лишняя. Пришёл обратно в государевы палаты: «Одна монета не моя». Дракул обрадовался и говорит: «Вот ты молодец, что пришёл. А я всё гадал, скольких воров найду – одного или двоих. Того вора, что украл деньги у тебя, я сыскал. А вторым вором мог сделаться ты, если б не возвратил лишнюю монету. Ты просил меня найти вора, и я искал тщательно, но я рад, что не нашёл его в тебе».

Джулиано живо представил, что могло бы случиться с купцом, если б в нём признали вора, и, по правде говоря, удивился, зачем Урсу взялся рассказывать эту историю. Она была не менее ужасна, чем все те, которые флорентиец слышал прежде, однако нынешний повествователь явно не желал никого пугать:

– Влад Дракул – человек умный и прозорливый, – назидательно произнёс Урсу, а флорентиец по-прежнему чувствовал, что чего-то не понимает.

Наконец Урсу правильно истолковал молчание своего слушателя и усмехнулся:

– Господин, ты спрашивать не бойся. Даже если спросишь невпопад, я тебя за это в реку не кину.

– Возможно, я не знаю, в чём должны проявляться ум и прозорливость, – осторожно начал флорентиец. – но мне кажется, что способ проверки, выбранный Дракулой, не совсем надёжен.

– Почему?

– Купец мог забыть пересчитать деньги и тогда...

– Забыть? Э! – Урсу Богат и Лаче дружно расхохотались. – Вот ты сказал, господин! Забыть?! Да как же это может случиться, чтобы купец деньги не пересчитал! Сразу видно, ты не из наших.

– Не из ваших? – спросил Джулиано.

– Не из торговцев то есть, – ответил Урсу. – А если б ты торговал, то знал бы, что купец полученные деньги пересчитывает всегда. Иначе нельзя. Не будешь пересчитывать – разоришься, поэтому у всякого купца пересчёт быстро входит в привычку. Только примешь оплату за товары, ещё подумать ни о чём не успеешь, а руки уже чешутся монетки помусолить.

– В самом деле? – с недоверием переспросил флорентиец.

– Привычка она и есть привычка, – ухмыльнулся Урсу. – Ты б ещё сказал, что можно мимо церкви идти да позабыть перекреститься! А Дракул знал, что купец пересчитать не забудет.

– Да, – подхватил Лаче. – В том-то и хитрость Дракулова была! Он знал, кому деньги даёт! Не монаху, не крестьянину, не дворянину, а купцу! Влад Дракул наши порядки хорошо знал, потому что о нас заботился. Он своих родных купцов в обиду не давал. Мог даже войну начать, если нас кто обижает.

Джулиано задумался, но Урсу не дал собеседнику задуматься глубоко:

– Так, значит, Влада Дракула рисовать будете?

– Да, – ответил флорентиец.

– А зачем это королю?

– Его Величество не упоминал об этом. – Джулиано пожал плечами.

– Ясное дело, король чего-то задумал, – проговорил Урсу.

– Я бы дорого дал, чтобы узнать, в чём задумка, – сказал Лаче.

А вот флорентийцу было совсем неинтересно, для чего понадобилась пресловутая картина. «Поскорей бы закончить и получить щедрую плату», – думал он и совсем не понимал, почему Урсу и Лаче так встреपнулись, услышав про узника: «Что им за дело до него? Лаче утверждал, что сам лично был знаком с Дракулой. Врал, наверное. А почему так разволновался Урсу? Пусть Дракула заботился о торговле, будучи государем, но неужели этого достаточно, чтобы торговцев так заботила его судьба спустя двенадцать лет после того, как он потерял власть?» – удивлялся Джулиано.

* * *

Влад по прозвищу Дракул сидел в Вышеграде много лет³ – так много, что потерял счёт времени. Сначала всё ждал – вот по лестницам раздастся топот, взвизгнет тугой засов, заскрежет ключ в замочной скважине, откроется дверь, в которую войдет комендант крепости и скажет: «Его Величество даровал тебе помилование». Однако чем дольше длилось ожидание, тем меньше верилось заключенному румынскому государю, что услышать такие слова доведётся.

Государю... Он давно уже без власти и всё же государь, потому что каждый, чью голову однажды помазали миром и увенчали короной, остаётся в своём звании до самой смерти, и никто этого не отнимет.

«Когда началось бесконечное сидение? Сколько тысяч дней минуло с тех пор? – думал Влад. – Не всё ли равно! Можно спросить у коменданта, который каждую неделю приходит проведать, и тот посмеется, но скажет. А толку? Нет, уж лучше не знать наверняка, сколько времени здесь потеряно».

Стремительно уносились вдаль легкокрылые дни, которых Время по очереди выпускало из клетки. Попробуй, догони – не догонишь, особенно когда сам взаперти. Оглянуться не успеешь, а уж высохла весенняя сырость, воздух накалился от летнего жара и остыл, осень минула, зима настаёт, а по зиме нечего надеяться, что венгерский король вспомнит про военачальника, который в прежние времена хорошо умел бить турок.

Турки-османы не любят холода, и потому в обычае у них уходить зимовать обратно в свои земли и пребывать там до весны. Когда турки ушли, военачальник не нужен. «Значит, остается одно, – твердил себе в такие дни заключённый, – ждать, пока снова потеплеет, да надеяться на милость переменчивой судьбы».

Так и жил Влад вдали от мира. Зимой брал с окошка снег и мял в руках, чтоб не забыть, каков тот на ощупь. Весной смотрел, как плывёт лёд по Дунаю. Летом слушал, как шумит рядом лес. Тяжко человеку, который не может ступать ногами по земле. В темнице нет ветра, что веет тебе в лицо или подгоняет в спину. Сквозь каменные стены не греет солнце.

«Как выбраться отсюда? Как? Сам не выберешься», – рассуждал Влад и потому часто вспоминал о своём друге Штефане, молдавском государе, который мог бы ему помочь. Они дружили с юности, с тех давних пор, когда им обоим едва исполнилось двадцать. Штефан в те годы жил легко, опекаемый отцом и матушкой, и ещё не узнал вкуса власти, а Влад, напротив, уже лишился обоих родителей, успел посидеть на троне, потерять власть, сделаться изгнанником и в конце концов нашёл пристанище в молдавской столице.

Приятели даже внешне различались. Влад был тёмный, а Штефан – светло-русый. У первого взгляд был колючий и подозрительный, а у второго – открытый и доверчивый, как у телёнка.

³ Румынский (валашский) князь Влад III провёл в заточении в венгерском городе Вышеграде более 10 лет. Когда началось заточение, точно неизвестно.

– Недаром у вас в родовом гербе бык, – иногда усмеялся Влад, а Штефан, понимая, на что намекает друг, хотел гневаться, но насупленные брови не избавляли от досадного сходства.

– Эй! Только не вздумай опять бодаться, – в притворном страхе говорил Влад, а Штефан, услышав такие слова, конечно, поступал наперекор, всякий раз пытаясь сбить с ног или свалить с лавки. Это не получалось, но всё равно завязывалась дружеская потасовка, пока обидчик не начинал просить прощения:

– Ну, ладно, ладно, я пошутил.

Правда, через некоторое время Влад всё же мог добавить:

– Как же ты станешь жить на свете? Таким взглядом хорошо жалобить девиц, а государь на своих подданных должен смотреть иначе.

На эти слова Штефан не обижался, а лишь внимательно вслушивался – наверное, пытаясь понять, почему в голосе друга ему чудится не то зависть, не то тоска.

Юный Штефан не понимал своего счастья, тяготился родительской опекой, хотел изведать жизненных трудностей, а юный Влад с радостью вернул бы те времена, когда сам жил под опекой старших и был подобен несмышлёному... нет, не телёнку, а скорее птенцу, потому что символом рода румынских государей являлся не бык, а орёл.

Наверное, из-за принадлежности к роду Влад имел привычку сидеть, зябко втянув голову в плечи, будто нахохлившись. Именно в такой позе сидел он, слушая своего друга-счастливца, когда они вместе пили в корчме на окраине города, подальше от дворца, где находился отец Штефана.

– Хорошо тебе, – жаловался наследник молдавского престола. – Ты – птица вольная, а я даже на охоту не могу поехать, когда хочу, и должен спрашивать отцова разрешения. Надоело!

– Не такая уж я вольная птица, – отвечал нахохлившийся Влад. – Мне нет пути туда, куда я больше всего стремлюсь, – в мою землю, потому что я изгнанник.

– Всё равно тебе лучше, чем мне, – горячился Штефан и мог даже стукнуть об стол опорожнённой деревянной кружкой. – У тебя есть деньги, которые ты можешь тратить по своему усмотрению. А мне отцовы казначеи не дают ни гроша. Когда мы с тобой ходим пить, то всегда пьём на твои. Мне уже стыдно тебя не угощать.

– Во дворце твоего отца, куда я вхож благодаря тебе, вино куда лучше, чем в корчме, – отвечал Влад.

– Для тебя, может, и да! – в досаде отвечал Штефан. – А мне здешнее вино кажется во сто раз слаще, потому что здесь никто не отмеряет, сколько мне пить, и не спрашивает: «А не будет ли этот кубок лишним?» Такие вопросы испортят вкус любого напитка!

– Поверь, – с грустной улыбкой отвечал Влад, – самое сладкое вино всегда в родном доме. Именно там, а не в захудалых корчмах. Жаль, что я понял это слишком поздно. Сейчас в моём дворце сидит на троне чужой человек и пьёт вино из погребов моего отца. А я изгнанник, и всё для меня стало с привкусом горечи. Потому и говорю – будь мудрее и цени то, что подарила тебе судьба.

– А что она мне подарила? – спрашивал Штефан. – У меня ничего нет. Мне не устают повторять, что я нахлебник, живу под отцовской крышей, и все мои вещи вплоть до исподнего принадлежат отцу. И даже сам я принадлежу ему, а не самому себе.

– Мне бы твои печали! – отвечал Влад. – Вот у меня больше нет отца, потому что его предали и убили. Теперь я сам себе хозяин. Ты хочешь изведать мою судьбу?

– Я хочу изведать, что такое жизнь, – отвечал друг. – Хочу побывать во всех землях, где ты побывал. Хочу выглядеть опытным человеком, как ты. А пока что я чувствую себя твоим младшим братишкой, хотя мы с тобой почти ровесники.

– Когда-то у меня был старший брат, – говорил ему Влад, – а я хотел угнаться за ним. Затем моего брата убили те же люди, которые предали моего отца. Мой брат умер в восемнадцать лет, а девятнадцать ему уже никогда не исполнится, поэтому, когда восемнадцать испол-

нилось мне, я сравнился с ним, но это не принесло мне радости. Видит Бог – я никогда не желал такого вот равенства. И тебе советую – не гонись за мной, не стремись узнать то, что знаю я.

Штефан, казалось, не слышал этих советов. Он оглядывал корчму, словно замечал на её стенах, посеревших от копоти, такие чудесные узоры и росписи, которых не было даже в большой зале во дворце его отца, молдавского государя Богдана.

Богдан, наверное, посмеялся бы, увидев, как гордо восседает его сын на старом табурете и как величественно кладёт руку на выщербленную столешницу, заляпанную свечным воском и изрезанную ножами. Совсем не так сидел Штефан дома за гладким дубовым столом, покрытым красивой скатертью.

«Эх, дурак ты, дурак», – думал Влад, и ему становилось тревожно, потому что в друге он узнавал самого себя, но совсем неопытного. Тревно было и за Штефанова родителя. Богдан шёл по опасному пути, по которому когда-то шёл отец Влада, но молдавский государь не видел примет, предвещающих беду, а вот Влад, будучи приглашённым на очередное пиршество во дворец молдавского князя, видел, что жизнь там, внешне весёлая, таит в себе угрозу. Очень подозрительно выглядела кучка бояр рядом с Богданом, которые проявляли мало внимания к своему государю. Когда он что-то говорил, те слушали вполуха, смотрели сквозь него, отвечали медленно. «Эдакие тюфяки с бородами, – глядя на них, думал юный румынский гость. – Они как будто не хотят выслужиться, а ждут. Чего же они ждут? Скорой смены власти? Если государь вот-вот сменится, то незачем стараться угодить ему».

За несколько лет до этого Влад наблюдал подобное у своего отца в Румынии. Тогда казалось, что нет ничего страшного, если кое-кто из бояр не выказывает рвения.

– Если одни не хотят усердствовать, мы поручим дела другим, – приговаривал Владов родитель, но незадолго до его смерти вдруг обнаружилось, что нерадивцы, внешне такие медлительные, очень даже проворны в плетении заговоров и что государь, даже имея много верных и старательных слуг, не защищён от беды.

Отец Влада, окружив себя надёжными людьми, полагал, что может жить спокойно, но затем он вдруг скоростижно умер от «хвори», когда все кругом были здоровы. Ясное дело – отравили! «Как же такое случилось?» – гадали верноподданные, в то время как предатели хитро шурились из тёмных углов. Вначале этих предателей набралось с десятков, но затем они многих верных слуг испортили, ведь измена, как моровое поветрие, распространяется по воздуху...

Влад без труда выяснил, что ленивые бояре Богдана пришли от прежнего молдавского государя. Это не предвещало ничего хорошего, ведь кто хоть раз перешёл от одного господина к другому, наверняка сделает это снова. К тому же случилось и ещё кое-что тревожное – венгерский вельможа Янош Гуньяди пожелал заключить с Богданом военный союз⁴.

«Вот и с моим отцом всё начиналось так же, – с тоской думал Влад. – Появился этот треклятый Янош и предложил дружбу, но дружба у него особая. Все его друзья должны делать только то, что он говорит, и именно так, как он говорит, а иначе они мигом становятся для него врагами».

Отец Влада слушал Яноша далеко не во всём, и поэтому властный венгр в конце концов решил, что «друг» засиделся на румынском троне и должен быть смещён. Янош пришёл в Румынию с большим войском, состоявшим из отборных наемников, и начал диктовать свою волю, а бояре, увидев грозного венгра, закованного в латы, поспешили присягнуть тому кандидату на трон, на которого указала рука в латной перчатке, причём быстрее всего присягали те, кто прежде считался нерадивым.

⁴ В первой половине 1450 года князь Богдан издал две грамоты, в которых клялся в верности Яношу Гуньяди и венгерской короне. По сути, это были письменные вассальные клятвы. В этих документах говорилось, что Янош должен оказывать Богдану военную помощь и при необходимости дать тому возможность укрыться в Венгрии со всеми боярами. Военную помощь Богдан ни разу не получил.

Обычно при смене власти смещённому государю дают уехать из страны, однако отцу Влада не дали. Тогда-то ему и поднесли яд, но на этом не успокоились – Янош велел отрубить мертвецу голову и забрал её как военный трофей. Умер и старший брат Влада, которого бояре-изменники положили живого в гроб и похоронили, а теперь всё это угрожало повториться с Богданом и Штефаном.

Как ни печально, но, чтобы предотвратить беду, недостаточно просто предостеречь того, кого хочешь спасти. Влад понял это, когда напросился к молдавскому государю на разговор и рассказал про свои тревоги, однако не был услышан, потому что по возрасту годился Богдану в сыновья. Старшие не внимают советам младших, и отец Штефана подтверждал это правило – сидя на лавке в своих покоях и глядя на юного советчика, стоявшего перед ним, он только хмурился.

– Ты движешься по той же дороге, по которой шли мой отец и старший брат, – говорил Влад, – а чем закончился этот путь, известно.

– Да, юнец, известно, – отвечал Богдан, – и только поэтому я прощаю твою дерзость. Ты дерзок, потому что в тебе кипит гнев из-за смерти родичей, но не думай, что сможешь отомстить своему врагу моими руками.

– Я вовсе не думал о таком, – возразил «юнец», а Богдан встал с лавки и принялся кружить по комнате, будто бык, который выискивает, кого бы поддеть на рога.

– Уверяешь, что не думал? – спросил молдавский князь.

– Нет.

– Но ты хочешь поссорить меня с Янку, – Богдан называл Яноша Гуньяди на свой лад, Янку, а Влад произносил это имя по-венгерски, потому что очень много знал о венграх и даже мог говорить на их языке.

– Я не хочу вас ссорить, – возражал юный советчик. – Я лишь говорю, что ты зря заключил с Яношем союз. Ты думаешь, что поставил свою печать на договорных грамотах? Это только по виду грамоты, а по сути – долговые расписки! Ты всегда будешь должен Яношу, а он тебе – нет, ведь если он откажется от обязательств перед тобой, ты не сможешь призвать его к ответу, потому что войско Яноша куда больше твоего, а вот если условий не выполнишь ты, то заплатишься.

Влад говорил, не замечая, как в его речи появилась ирония, неуместная при обращении к старшим. Не заметил он и того, как Богдан ещё больше набычился.

В эту минуту юному советчику виделось совсем другое – бесстрастное лицо Яноша, принимавшего решение о том, что в Румынии надобно сменить князя. Влад не присутствовал тогда рядом с венгром, но был уверен, что Янош проявил не больше чувств, чем проявляет ворон, когда садится на труп человека, чтобы полакомиться мертвечиной. Это только в песнях поётся, что вороны слетаются к добыче радостно, а на самом деле им всё равно. Такая птица из всех возможных чувств проявит разве что ярость, не желая делить пищу со своими собратьями.

«Недаром на гербе семьи Гуньяди изображён ворон!» – думал Влад, и чем спокойнее виделся ему венгр, тем больше вызывал ненависть. Хотелось сжимать кулаки и скрипеть зубами.

Меж тем Богдан, услышав речи о долговой расписке, вскипел:

– Значит, ты хочешь меня учить? Не рановато ли?

– Прости, Богдан, я не... – опомнился советчик.

– Ты уже забыл, как приходил ко мне скромным просителем? – продолжал молдавский князь. – Ты говорил, что твой отец и старший брат умерли, а румынский трон занят проходимцем, получающим помощь от Янку. Ты говорил, что тебя вынудили бежать, и попросил позволения пожить здесь, в моей столице. Я позволил и сейчас позволяю, хотя Янку уже потребовал, чтоб я выслал тебя подальше, за пределы моей земли. Видишь? Я действую наперекор своему союзнику, которому, как ты утверждаешь, не могу сказать ни слова поперёк.

– Я очень благодарен тебе, Богдан.

– Благодарен? Что-то непохоже! Ведь я слышу от тебя лишь дерзости! Не испытывай моё терпение, а то вправду вышлю. И радуйся, что с тобой сдружился мой сын. Без него я давно бы прогнал тебя, наглеца, да боюсь, он по своей юношеской дурости за тобой увяжется.

«Наглец» привычно нахохлился, а молдавский князь продолжал:

– А что ты говорил про моих бояр? Что среди них есть заговорщики?

– Я не знаю этого наверняка, – ответил Влад.

– Вот и нечего тогда болтать, – сказал Богдан, всё больше напоминая разъярённого быка. – Кто ты такой, чтобы давать советы в государственных делах?

– Я тот, чья голова была помазана миром и увенчана короной, – ответил Влад, сразу расправив плечи и гордо вскинув голову. – Я тот, кто держал в руках скипетр. В этом я равен тебе.

– Ты продержался у власти всего месяц!

«А ты правишь всего год. Тоже невелик срок», – подумал Влад, но промолчал, хотя Богдан прочёл эти слова на его лице.

– И что мне, по-твоему, делать с моими боярами? – продолжал издеваться молдавский государь, ходя вокруг собеседника. – Казнить их за предательство, которого они ещё не совершили?

– Да, – спокойно ответил Влад.

– Ты шутишь или безумен? – с усмешкой спросил Богдан. – Казнить преступников до того, как преступление совершено? Большой глупости я не слышал!

Казалось, гнев у молдавского правителя прошёл. Теперь он искренне считал своего собеседника дураком, а на дураков, как известно, не обижаются.

– Глупец, – повторил Богдан, а Влад спокойно возразил, уже понимая, что разговор бесполезен:

– Я не глупец. Я предлагаю то, что исполнимо, а вот ждать, пока измена осуществится, – безумие. Ведь ты не сможешь никого наказать после того, как тебя предадут, потому что будешь изгнан из страны... или мёртв. Значит, остаётся одно – опередить предателей, не дать их замыслу вызреть. Если бы мой покойный отец мог сейчас говорить с тобой, то говорил бы то же, что я.

Богдан только рукой махнул:

– Ступай, глупец. Жажда мести совсем лишила тебя разума. И не вздумай рассказывать свои бредни моему сыну.

Следуя этому повелению, Влад ничего не рассказал Штефану и надеялся, что неудачная беседа с Богданом забудется тем быстрее, чем меньше про неё поминать. Неудачливый советчик радовался, что продолжает жить в молдавской столице и что по-прежнему вхож во дворец, но радости чуть не пришёл конец, когда однажды на пире случилось досадное недоразумение. Влад всегда сидел за главным столом, то есть за столом Богдана, а в тот день привычное место оказалось занято.

Гость, которого принимают при дворе только из милости, не вправе возмущаться, поэтому обделённый Влад пожал плечами и, усмехнувшись в ответ на озадаченный взгляд своего друга Штефана, сидевшего возле отца, отправился на то место, которое предложили взамен – ближе к дверям залы.

Штефан много раз посматривал на приятеля, словно спрашивал: «Неужели ты оставишь это так?» Однако в середине пира настроение Богданова сына изменилось. Выгадав минуту, когда не надо было поддерживать поднятым кубком очередную здравицу, Штефан решительно встал и подошёл к столу, где сидел Влад:

– Подвиньтесь-ка, братцы, я с вами сяду, – весело сказал наследник молдавского престола, втискиваясь между другом и неким боярским сыном, сидевшими на лавке.

– Что ты делаешь? Иди обратно, – стал отговаривать Влад, очень опасаясь, что шалость телёнка рассердит быка, но Штефан упорствовал.

Наконец Богдан заметил, что сына слишком долго нет, а когда пропавший обнаружился в компании неподобающих сотрапезников, молдавский государь сдвинул брови и громко произнёс, обращаясь к двум боярам – стольнику и чашнику:

– Мой сын ошибся и сел не туда. Укажите ему его место.

Бояре послушно пошли к Штефану, стали просить пересесть, но так и не уговорили. Его даже попытались взять под руки, а он крепко ухватился за пояса сидящих рядом товарищей, будто всё происходящее было весёлой игрой:

– Эй, братцы, держите меня, не отдавайте!

Конечно, если б молдавский государь твёрдо вознамерился вытащить сына из-за стола, то непременно бы вытащил, но для этого требовались другие слуги, боевитые, да и шума получилось бы многовато. Богдан понял, что лучше не трогать отпрыска, и махнул на него рукой.

– Мой отец грозный, но отходчивый, – сказал довольный Штефан. – Уж я-то знаю.

С тех пор для Влада всегда оставляли место за главным столом, но причиной, судя по всему, стало не только происшествие на пире. Влад перестал считаться наглецом и глупцом потому, что кое-что из его предсказаний сбылось, – из союза с Яношем Гуньяди действительно не вышло ничего путного.

Во второй договорной грамоте, которую составил Богдан, желая получить покровительство Яноша, ясно говорилось о военном союзе, однако Янош даже не подумал помогать союзнику, когда через месяц после того, как грамота была заверена печатью, в Молдавию пришло польское войско.

– Выходит, я с ляхами один на один, – сказал тогда Богдан.

Поляки собрали сильную армию с большой конницей и не сомневались в своей победе. Наверное, поэтому они воевали как полусонные, а вот молдавскому правителю нельзя было действовать вполсилы, ведь главную часть его войска составляла не конница, закованная в доспехи, а пехота народного ополчения, вооруженная чем придётся. К тому же ополченцы знали своего государя плоховато, ведь он воссел на престол всего год назад. Если б не воинская повинность, они бы ни за что не отправились воевать, так что Богдан, понимая это, принял единственно верное решение. Он не вступал с поляками в открытый бой, но следовал за ними, действуя не как бык, который прёт напролом, а как юркая собачонка, которая тяпнет сзади и тут же отбежит.

Поляки ходили по Молдавской земле, грабя её, а Богдан, дождавшись, пока очередной вражеский отряд увлечётся грабежом и отделится от большого войска, нападал, причём во всех стычках участвовал сам и даже сына, которого до сих пор старательно оберегал, стал вовлекать в дело при всяком случае.

Конечно, видя такие поступки государя, молдавское войско воодушевилось, а Влад даже стал жалеть, что непричастен к этому. Он не состоял у Богдана на службе, поэтому в войне не участвовал и таскался за молдавскими воинами как праздный наблюдатель, а новости узнавал от Штефана, постоянно хваставшегося боевыми успехами.

Влад слушал друга, улыбаясь, потому что хвастун по наивности выбалтывал много такого, что составляет военную тайну. «Я-то никому не скажу, – думал Влад, – но будь на моём месте кто другой... Эх ты, телёнок!»

Наконец, поляки, которые оказались вконец измотаны мелкими стычками, но так и не смогли навязать молдаванам большого сражения, повернули к себе домой, на север, и вот тогда-то Богдан решился устроить серьёзный бой.

Это случилось близ деревушки, именуемой Красна⁵. Влад не знал, откуда такое название, однако в тот погожий сентябрьский день оно себя оправдало, потому что трава на поле близ селения покраснела, залитая кровью.

Влад и в этой битве не участвовал, хотя накануне говорил с Богданом, придя к нему в шатёр:

– Позволь мне сражаться. Я не прошу к тебе на службу, потому что никогда такого не было, чтобы румынские государи становились молдавскими слугами, но я готов помочь просто так. Тебе ведь пригодится лишний воин? Меч, доспех и конь у меня есть.

– Успокойся, юнец, – улыбнулся Богдан, очевидно не желая быть в ответе, если с «юнцом» во время битвы что-то случится. – Не лезь в это дело. У тебя есть своё. Ты ведь хотел отомстить за отца и за старшего брата? Вот и поберегись до поры.

Несмотря на рассказ Штефана, как всегда по простоте душевной выболтавшего отцовские секреты, Влад плохо понимал, как будет проходить битва, потому что не представлял её на месте, а вот Богдан, судя по всему, представлял хорошо, зная все края возле Красны. Тракт, по которому отступало польское войско, вёл по равнине, но возле селения справа и слева от дороги появлялись гряды холмов, заросших лесом. Проход между грядами казался широк, однако там было множество оврагов, а все ровные места занимала пашня.

Влад увидел это только поутру, когда залез на один из холмов и, продравшись сквозь ветви елей, торчавших на вершине, оглядел место предстоящей битвы. Польская конница не могла двигаться ни по лесу, ни по оврагам, ни по пашням, а значит, молдавской пехоте, выстроившейся прямо на дороге, следовало ждать удара только в лоб. На этом Богдан и построил свой расчёт.

Влад, глядя с холма, видел, как молдавские полки приняли удар вражеской конницы – изогнулись в дугу, вобрали поляков в себя и буквально растерзали. Так бывают растерзаны гусеницы, упавшие в муравейник. Молдавские крестьяне-ополченцы остервенело резали ноги польских лошадей косами, а упавших всадников кололи вилами, рубили топорами. Было много крови, и даже издали это смотрелось страшно, а вблизи, наверное, выглядело ещё страшнее. Поляки силились продвинуться дальше, прорвать молдавские ряды, убежать от крестьянских кос и топоров, но тут же получали удар от конницы Богдана и снова оказывались отброшены в центр смертоносного кольца, где падали, подкошенные, и исчезали.

Оставшаяся часть польского войска даже не пыталась помочь товарищам, а в ужасе бежала, глядя на кровавую бойню. Всё было кончено ещё до заката, а когда багровые лучи солнца осветили поле недавней битвы, то немногим полякам, взятым в плен, показалось, что кровью облита не только земля, но и верхушки деревьев, растущих на возвышенностях, и даже сами небеса. Молдавские ополченцы, чья одежда покрылась бурыми пятнами сверху донизу, выглядели не менее жутко, и потому Влад, спустившись с холма, как-то не сразу осознал, что на них больше лошадиная кровь, чем человеческая.

– Ну что, юнец? Разглядел, во что хотел ввязаться? – устало произнёс ехавший мимо Богдан, а Штефан, бывший с ним, ничего не сказал – он выглядел потрясённым, а немного ожил лишь на следующий день, когда в лагере настало время праздника, ведь битва при селении Красна положила конец войне.

Влад извлёк из этой войны важный урок – даже с крестьянским ополчением можно победить врага, который лучше вооружён и лучше обучен. Главное, повелевать войском умеючи и делить с ним все опасности. Это знание Влад применил несколько лет спустя, а к отцу Штефана проникся глубоким уважением и был бы не прочь ещё чему-нибудь научиться.

⁵ Битва молдаван с поляками при Красне состоялась 6 сентября 1450 года. В романе она показана в соответствии с описанием, которое даёт Григоре Уреке в книге «Летопись Земли Молдавской», написанной в XVII веке.

«Юнец» уже забыл, как сам пытался учить молдавского князя – говорил ему про бесполезность союза с Яношем Гуньяди и про возможный боярский заговор. Слова насчёт Яноша подтвердились, но Влад не думал, что предостережение насчёт бояр тоже будет пророческим. После победы при Красне казалось, что в Молдавии установится мир, однако мира не случилось.

Через год после Красны, в октябре, поляки вернулись в Молдавию, и Богдан снова начал изматывать их мелкими стычками, как вдруг оказался застигнут врасплох в селе Реусень. Во время очередной вылазки молдавский государь заночевал там с небольшим отрядом, а ближе к рассвету вдруг появился неприятель. Такое не могло произойти случайно. Кто-то выболтал врагам, что нужно поспешать именно в это село. Нападавшие знали, кого там найдут, поэтому, поймав Богдана, сразу же отрубили ему голову – будто боялись, что к пойманному могут подождать на вырубку⁶.

Штефан, ночевавший в стане основного войска, узнал о смерти отца тогда, когда примчался гонец из Реусени. А ещё узнал, что поляки привезли с собой некоего претендента на молдавскую корону, Петра Арона, который объявил, что если будет признан новым государем, то войне конец.

Тут-то и встрепенулись те молдавские бояре, которые прежде казались ленивыми. Сразу засуетились, начали шептаться всем вокруг:

– Не лучше ли подчиниться? А то Штефан ещё юн. Как он будет править нами?

Для Влада это оказалась слишком знакомая история: «Вот и Богдана обезглавили, как моего отца. Да что ж это такое!» Он смотрел на Штефана, бледного и растерянного, начиная думать, что видит самого себя в зеркале времени.

– Что мне делать, Влад? – спросил Штефан так, будто друг стал его последней надеждой на спасение.

– Сперва скажи, уверен ли ты, что крестьянское ополчение будет слушать тебя так же, как слушало твоего отца.

– Я... я не знаю.

– Тогда беги отсюда подальше, – сказал Влад. – Я расскажу тебе, как бегал сам. Прежде всего, отправляйся к казначею. Пусть он откроет тебе сундук с казной. После смерти твоего отца эта казна по праву твоя. Забери столько золота, сколько сможешь унести. Тебе придётся скрываться долго, не один год, а ведь нужно что-то есть и во что-то одеваться. Позаботься о насущном сейчас, но не усердствуй. Не нагружай телег, не вяжи тюков, не надевай тяжёлую шубу. Всё, что тебе нужно, это быстрый конь. Не бери с собой друзей и попутчиков. Не прощайся ни с кем. Не говори никому, куда едешь. Тогда тебя не догонят.

– Не брать друзей? – взволновался Штефан. – А как же ты, Влад? Ты не поедешь со мной?

– Куда?

– Во владения Янку. Ведь он обязался дать приют моему отцу и мне, если что случится. Во второй договорной грамоте, которую составили в прошлом году, особо сказано...

– Вот и поезжай, – холодно ответил Влад, – а мне к Яношу нет дороги. Это для вас с отцом он был союзник, а для меня Янош – смертельный враг, из-за которого я изгнан из собственного дома. И, кстати, ты только что пренебрёг моим советом. Я же сказал: «Никому не говори, куда едешь».

– Даже тебе?

– От этого зависит твоя жизнь! – накинулся на друга Влад. – А ты даже не задумался перед тем, как мне всё выболтать. С такой же лёгкостью ты будешь болтать и дальше.

⁶ Князь Богдан был убит в селе Реусень в ночь на 17 октября 1451 года. В романе не поддерживается легенда о том, что Богдан был приглашён в это село на некую свадьбу, т.к. в Средние века существовал обычай, согласно которому знатный человек не мог прийти в гости к тем, кто ниже по положению, даже если это родственники. Князь мог поехать в гости только к другому правителю.

– Помоги мне, – попросил Штефан, – а я похлопочу за тебя перед Янку, чтоб вы помирились.

О примирении с венгром Влад даже мысли не допускал, но всё равно взялся помочь другу, выглядевшему таким беспомощным. Влад не простил бы себе, если б с телёнком случилась беда, поэтому взял его под своё крыло и довёз до венгерских земель, в пути заботясь обо всём вплоть до бытовых мелочей.

Штефан чувствовал эту заботу, и тогда на его лицо выплывала едва уловимая безмятежная улыбка, а Влад хмурился, ведь, спасая чужую голову, подставлял свою. Чем ближе были венгерские земли, тем серьёзнее становилась опасность. Он хотел, чтобы безмятежный Штефан поделил с ним тревоги.

– Теперь ты стал вольной птицей, как я, – говорил Влад. – Можешь лететь куда угодно, но только не в родную страну. Нравится тебе это?

– Да, я теперь, как ты, – отвечал друг, переставая улыбаться, – и мне такая жизнь не нравится.

– А ещё, – продолжал Влад, – у тебя есть деньги, которыми ты можешь распорядиться, как угодно. Ты ведь мечтал об этом? А теперь признайся – принесли они тебе счастье?

– Нет, – говорил Штефан, понунив голову.

– А вино где слаще? В корчмах или дома?

– Дома.

– А я больше не кажусь тебе старшим братом?

– Нет, кажешься, – отвечал Штефан. – Ведь ты мне так помог! Смогу ли я когда-нибудь так же удружить тебе, как ты – мне?

Это был очень давний разговор, однако Влад, теперь коротавший дни в темнице, надеялся, что друг не забыл своих слов.

* * *

В том месте, где находился Вышеград, река круто поворачивала, повинаясь велению гор, которые плотно обступили её, оставив только один путь. Вблизи эти горы оказались не синими, а тёмно-серыми, ведь они поросли лесом, так что Джулиано, глядя на них, представил себе великанов, которые, усевшись, подтянули колени к подбородкам и укрылись мохнатыми тёмными шкурами. Гиганты о чём-то задумались и потому не замечали, что вокруг появилось человеческое жильё, кое-где придавившее края шкур. Не замечали они и реку, в которой могли бы по неосторожности промочить ноги, и не замечали корабля, плывущего мимо. «А может, – думал флорентиец, – гиганты просто уснули, а когда проснутся, то почувствуют зверский голод, начнут хватать и пожирать людей?»

Картина была бы поистине ужасной, поэтому Джулиано не собирался такое рисовать, а вот неподвижно сидящих сказочных существ изобразить мог бы. Он даже начал мысленно составлять композицию. «Композиция – основа всего, – говорил себе ученик придворного живописца. – Надо найти главного великана, и именно он станет фигурой, вокруг которой выстроятся все остальные элементы».

Между тем цвет на воображаемой картине начал постепенно меркнуть, потому что наступил вечер. От гигантов, закутанных в мохнатые шкуры, остались лишь силуэты, которые высвечивало закатное солнце, бежавшее впереди корабля. Готовясь скрыться за горизонтом, оно в последний раз протягивало к людям свои тёплые руки в широких золотисто-розовых рукавах, но прежде чем светило исчезло, корабль довершил вместе с рекой плавный поворот, и последние отблески догорали уже справа, а впереди теперь высился один из горных великанов.

На фоне лазоревых небес виднелись только его очертания. Он был крупнее всех своих собратьев и, наверное, поэтому объявил себя главным, нацепив на голову крепость с башнями, издалека похожую на корону с зубцами.

– Эй, господин! – окликнул флорентийца Лаче. – Иди, собирайся. Сейчас причаливать будем.

Укрепления, которые разглядывал Джулиано, являлись цитаделью Вышеградской крепости, а город располагался у подножия горы, но был плохо различимым в сумерках. Лишь желтенькие искорки светящихся окон указывали путешественникам верное направление.

Меж тем сумерки стремительно сгущались. Джулиано даже удивился, насколько быстро всё происходит. Как только скрылось солнце, откуда-то наплзли тяжёлые тучи и превратили вечер в ночь. К пристани корабль подошёл почти в полной темноте, так что юному флорентийцу захотелось скорее добраться до города, который приветливо мерцал огоньками совсем неподалёку.

Видя, что флорентиец смотрит на город, Лаче, уже освободившийся от обязанностей рулевого, тронул пассажира за плечо и указал на тёмный участок берега, где виднелся всего один огонёк, будто паривший в вышине:

– Там Соломонова башня, – многозначительно сказал корабельщик. – Правда, она крепостными стенами загорожена. Только верхнее окошко виднеется, но нам и этого довольно.

– Довольно одного окна? Почему? – не понял Джулиано.

– Говорят, верхнее окно как раз в его комнате, – пояснил Лаче.

– В его? – опять не понял флорентиец, но в ту же секунду догадался. – А! В комнате Дракулы? Это его окно?

– Говорят⁷, – задумчиво повторил рулевой. – Вот мы сейчас стоим, смотрим, а он, может, так же смотрит на нас. Это ведь только берег сейчас тёмный, а вода вся серебрится, и судно на ней хорошо видно.

Ученику придворного живописца вдруг сделалось очень неуютно от мысли, что Дракула мог смотреть на корабль. Флорентиец скрестил указательный и средний пальцы на обеих руках. Этот знак предохранял от сглаза, но избавиться от беспокойства не помогал. «Всё это ерунда», – убеждал себя Джулиано, однако при мысли об обитателе башни пальцы скрестились почти сами собой.

Тем временем на пристань пришла ночная стража, но это были не солдаты из крепости, а горожане-добровольцы. В тёмное время суток этот дозор с ржавыми мечами и привязанными спереди вместо панцирей старыми щитами ходил по улицам, охраняя покой спящих жителей, что было довольно легко, ведь разбойников или, того хуже, вражеских воинов в Вышеграде не видели много лет.

При свете факелов городская стража осмотрела бумаги приезжих, а точнее – печати на бумагах, но, увидев королевскую печать на грамоте в руках Джулиано, никто не начал благоговейно трепетать. Наверное, охранники не знали, как выглядит королевская печать, а разобрать текст грамоты, написанный по латыни, тем более не могли. Они поняли лишь то, что принимают у себя чужестранцев, поэтому принялись беззастенчиво их разглядывать, особенно старика.

Юный флорентиец досадовал, видя такое назойливое внимание, но в то же время понимал, чем оно вызвано. Придворный живописец и впрямь выглядел интересно, ведь даже на вид ему было не менее семидесяти, а до такого возраста доживают не все. Спина у него горбилась, едва вынося груз годов. Шея казалась сплошным сплетением жил, натянутых, как изношенные струны, и вот-вот готовых порваться. Голова вечно клонилась влево, потому что он слышал только правым ухом. Седые пряди, свисавшие из-под берета, казались ошмётками пыльной

⁷ В романе озвучена версия, согласно которой Дракулу содержали в Соломоновой башне Вышеградской крепости. В 1401 году именно в эту башню был посажен венгерский король Жигмонд (Сигизмунд Люксембургский), арестованный своими подданными.

паутины. Рот оброс поперечными морщинами, выдающими отсутствие зубов, и лишь взгляд казался молодым и ясным.

Старик не знал ни слова по-венгерски и тараторил по-своему, размахивая руками, а иногда даже топал ногами. Наверно, для стражи это смотрелось забавно. К тому же он порядком обносился. Чёрный кафтан выцвел. Болотно-зелёная шуба, отороченная беличьим мехом, облезла на рукавах. Башмаки стоптались.

Конечно, такой вид не внушал уважения, в чём Джулианошний раз убедился ещё с утра, ведь и купец, взявшийся отвезти флорентийцев в Вышеград, относится к седовласому живописцу не очень вежливо. Урсу обращался со стариком, будто это тук с товаром, – грузил бережно, но совсем не стремился выразить ему своё почтение.

– Почему ты не приветствуешь моего учителя так же, как приветствовал меня? – спросил тогда Джулиано, на что Урсу ответил:

– Он же всё равно ничего не понимает! Но если ты желаешь, господин, я поприветствую его церемонно.

Юноша не стал настаивать. Он сознавал правоту купца, а теперь наблюдал такое же отношение со стороны ночных дозорных, которым доставляло большое удовольствие глазеть, как придворный живописец неуклюже перебирается на пристань по сходням – вцепился в руку ученика, но всё равно то и дело теряет равновесие.

Возможно, преследуя всё ту же цель позабавиться, стража вызвалась проводить приезжих до постоянного двора. Однако сопровождение оказалось кстати, ведь приезжие могли заблудиться в лабиринте тёмных улочек, и даже Лаче, тоже направлявшийся вместе с девятью гребцами на тот же двор, вряд ли смог бы помочь, ведь бывал в Вышеграде не очень часто.

Сегодня рулевому повезло – его с товарищами отпустили ночевать на берегу, чтобы завтра это могла сделать другая половина команды вместе с Урсу. Лаче был так доволен, что предложил донести недавним пассажирам вещи, раз по дороге, и Джулиано охотно воспользовался случаем, ведь нести требовалось много – два больших узла, ящик с красками, а ещё подставку для картины, обёрнутую рогожей. Саму доску, на которой предстояло рисовать, уже загрунтованную и тщательно укутанную в льняную ткань, он не доверил никому – лично нёс под мышкой.

– Сколько у вас поклажи! – удивлённо заметил рулевой. – Видать, целый месяц тут собрались прожить. А может, два?

– Надеюсь, уедем пораньше, – отвечал Джулиано, прекрасно сознавая, что старый учитель работает медленно, и что нынешний раз не станет исключением.

Наконец, впереди показался большой дом без сада, с высокой оградой из досок, по которой гулял кот – подвижная тень с двумя светящимися глазами.

Городская стража подошла к воротам, громко постучала, а Лаче, как только в воротах отворилось окошечко, произнёс:

– Доброго вечера, хозяин. Поклон тебе от Урсу Богата.

– Давненько не виделись, – послышалось в ответ, и тут же скрипнул отодвигаемый засов.

В воротах распахнулась большая калитка, а в первом этаже дома, словно по волшебству, начали зажигаться окна, одно за другим, осветившие двор и того, кто был назван хозяином.

Держатель постоянного двора оказался человеком пожилым. Лицо выглядело как кирпич из красной глины, а волосы, непривычно светлые для здешних мест и остриженные под горшок, напоминали солому. Пройдя мимо этого человека, гости толпой ввалились в светящиеся широкие двери, и весь дом, только что казавшийся тихим, сразу наполнился топотом, смехом и голосами.

Джулиано, помогая учителю переступить через порог, сразу отметил, что белёные стены здесь кажутся чище, чем во многих таких заведениях, но в остальном было как везде – просторная комната со столами, скамьями и табуретками.

Самой примечательной частью здешнего убранства был столб-бревно, стоявший на середине залы и подпиравший потолочную балку. Выглядел он, как чудесное дерево райского сада, предлагающее сразу три вида плодов, ведь с одного и того же ствола свисали, чередуясь, большие связки золотистого лука, бледного чеснока и яркого, хоть и сушеного, красного перца.

По стенам виднелись полки с обычной для здешних мест разрисованной глиняной посудой, и такие же изделия стояли на уступах большой белёной печи с вмурованной в неё деревянной лавкой.

Старый флорентиец тоже заметил эту печь, подошёл, уселся на лавку и стал греть руки. Погревшись немного, он прошаркал к столбу-дереву, пощупал связку красного перца, висевшую там, обернулся к ученику и сказал, что этот перец напоминает о трактирах Тосканы. Джулиано кивнул, запоздало глянул на свои и учительские пожитки, сваленные в углу, и наконец повёл старика к одному из свободных столов.

За соседними уже расселись Лаче и его товарищи, которые громко разговаривали на своём непонятном, валашском, языке. Возле них сустились толстая старуха и стройная девушка, подававшие гостям холодные закуски и вино. Старуха была в чёрном платье, а девушка – в тёмно-жёлтом.

Даже издали молодой флорентиец видел, что девушка красива и что цвет платья прекрасно соответствует цвету её волос, пшеничному с золотыми проблесками. Хотелось рассмотреть эту красавицу получше, но к Джулиано и его учителю подошла не она, а старуха.

– Добрый вечер, господа, – произнесла пожилая женщина, подправив пальцем прядь волос, выбившуюся из-под платка, обёрнутого вокруг головы. – Кушать будете? Прямо сейчас можем подать сыр, хлеб и вино. А на горячее – свинину с капустой. Ой, свинина у меня хороша!

– Да, конечно, подавайте, – отозвался Джулиано.

– Хорошо, – обрадовалась старуха и посмотрела в направлении дверей. – А вещи там лежат...

– Да, это наше, – кивнул юный флорентиец.

Старуха вытерла руки о передник, оглянулась в сторону стола, где сидел Лаче, а затем снова посмотрела на собеседников:

– Мне сказали, что вы сюда надолго приехали. Остановитесь небось у нас? Дадим вам лучшую комнату.

– Надеюсь, «лучшая» не значит «дорогая»? – осторожно спросил Джулиано.

– В цене сойдемся, – успокоила его старуха. – Сейчас такие времена, что все хотят выгадать. Мы же понимаем. А ужин сейчас будет.

Она уже собралась уйти, но молодой флорентиец, с видом знатока приняв запах ароматов кухни, произнёс:

– Любезнейшая, я предполагаю, что ты кладёшь в пищу много красного перца, а мой учитель слаб желудком, поэтому я прошу класть в его кушанья как можно меньше этой приправы.

– Хорошо, – последовал ответ.

Очень скоро на стол явились вино, хлеб и сыр, но их принесла всё та же старуха, а не девушка с пшеничными волосами. Джулиано, надеясь привлечь внимание юной красавицы, два раза уронил на пол нож, но напрасно. В то же время, наблюдая за ней, флорентиец успел подумать, что это не просто служанка, а дочь хозяина, ведь она была такой же светловолосой, как трактирщик с кирпичным лицом. У неё даже брови были светлые, еле-еле выделяясь на фоне нежно-розовой кожи, и потому девушка будто сияла.

Между тем один из товарищей Лаче достал дудку, и зазвучала танцевальная мелодия. Сосед дудочника начал отбивать ладонями такт по столу. Несколько человек пустились в пляс, причём двое плясавших, в том числе Лаче, всё время норовили вовлечь в танец юную красавицу, но она умело увёртывалась, снисходительно улыбалась и бежала с подносом дальше.

Горячее кушанье флорентийцам опять принесла старуха. Взяв деньги и положив их в карман передника, она замешкалась возле стола и, судя по всему, собиралась что-то спросить. Джулиано решил, что сейчас придётся торговаться за комнату, но ошибся, потому что пожилая женщина, помявшись ещё немного, произнесла:

– А не сочтите за пустое любопытство...

Джулиано, отрезая учителю хлеб, привычно натянул на лицо вежливую улыбку:

– Спрашивай, любезнейшая.

– Говорят, будто вы сюда приехали, чтоб узника Соломоновой башни повидать.

От Лаче молодой флорентиец уже знал, что та башня, в которой содержат кузена Его Величества, называется именно Соломоновой, поэтому кивнул:

– Да, это правда.

– Правда, значит, – пробормотала старуха, а её собеседник ещё раз кивнул:

– Да, любезнейшая. Моему учителю заказан портрет Дракулы, а чтобы рисовать портрет Дракулы, необходимо увидеть самого Дракулу.

Слушая, как Джулиано упомянул прозвище узника аж три раза подряд, старуха поёжилась, но совладала с собой:

– Неужто король про этого изверга вспомнил?! Может, возьмёт его от нас в другую крепость?

– О таких намерениях Его Величества я не знаю, – ответил ученик живописца, зачерпывая из миски горячее кушанье и отправляя ложку в рот.

– А может, король всё-таки заберёт его от нас?

– Поверь, любезнейшая, – Джулиано стоило большого труда оторваться от еды, – если бы я знал об этом что-нибудь, то не стал бы скрывать. Но я ничего не знаю и не хочу тебя обманывать.

Старуха тяжело вздохнула:

– Хоть бы забрал.

– За что же ты так не любишь кузена Его Величества? – с набитым ртом спросил Джулиано, потому что после утоления первого голода снова начал проявлять всегдашнюю склонность к болтовне.

– Да уж есть за что не любить! – в сердцах бросила собеседница. – Есть за что! Сколько он бед принёс, это ж не сосчитать! Ведь я с сыном и внучкой только три года тут живу. Вот помогаю сыну трактир содержать. А переселились мы сюда из Семиградья.

Семиградьем, как помнил Джулиано, звался горный край, расположенный на юге Венгерского королевства. По-латыни эти земли именовались Трансильванией, но чаще всего их обозначали просто словом «горы», потому что других таких больших гор поблизости не встречалось. В Семиградье жили потомки тех, кто уже давно переселился в Венгерское королевство из немецкой земли, именуемой Саксония, поэтому флорентиец, услышав признание старухи, сделал однозначный вывод о том, что эта женщина, её сын-трактирщик, а также внучка – немцы.

– Изверг этот, когда государем был, сколько раз ходил войной на Семиградье! – пожаловалась старуха. – И ты ещё спрашиваешь, за что я его не люблю! А если б он на тебя войной ходил? Если б он твой дом спалил? Что ты сказал бы тогда?

– Полагаю, я говорил бы то же, что и ты, любезнейшая, – с жаром подхватил Джулиано, перестав наконец жевать. Юный хитрец надеялся добиться расположения собеседницы и впоследствии сбить цену за комнату, но старуха не обратила внимания на эти хитрости:

– Этот изверг объявил, что мы укрываем кого-то, – продолжала она. – Врагов, дескать, его укрываем. А я, что ли, этих врагов укрывала?! Или сын мой?! Или внучка моя?! А дом-то спалили наш!

– Я очень сочувствую тебе и твоим родственникам, – уверил старуху молодой флорентиец, а та всё говорила:

– Когда король объявил, что из Семиградья можно переселиться в Вышеград⁸, мне так радостно стало! Я-то думала, найдём место спокойное, от беды подальше, а оказалось, что беда вот она – в Соломоновой башне сидит! Да кабы знать наперёд про такое соседство, мы бы сюда переселяться не стали.

Джулиано слушал с нарочито внимательным видом, а вот старый флорентиец совсем не обращал внимания на эту пламенную речь. Рубленая свинина в густом сметанном соусе, обильно сдобренном приправами, вызывала у старика подозрение. Квашеная капуста, разогретая и залитая тем же соусом, – тоже. Зачерпнув деревянной ложкой из миски остро пахнущую еду и попробовав, живописец скривился, дескать, перца много. Пришлось ученику своей ложкой влезть в миску учителя, попробовать, запить вином и произнести пару успокаивающих фраз, потому что ссориться с хозяевами гостиницы из-за такого пустяка, как перец, не следовало – предстоял торг за комнату.

– Что такое, господа? Может, чего не так? – тут же забеспокоилась старуха.

– Учитель благодарит за гостеприимство и говорит, что всем доволен, – ответил юный флорентиец.

⁸ Во второй половине XV века Вышеград сильно обезлюдел, поэтому венгерский король Матяш I принял меры, чтобы заселить это место заново. В середине 1470-х годов королевское приглашение переселиться в Вышеград получили саксонцы из Трансильвании, то есть те люди, с которыми Дракула когда-то враждовал. Также сохранился документ 1474 года, где сказано, что всякий, кто имеет непоплаченные долги, и даже тот, кто обвинён в убийстве, будет прощён, если приедет в Вышеград и останется там на постоянное жительство.

Часть II

Проснулся Джулиано, по обыкновению, поздно, а вот учитель, как и многие старики имевший привычку подыматься с рассветом, уже принялся за дела. Сидя за столом и иногда взглядывая в окно, откуда за черепичными крышами домов был виден краешек реки и дальний берег, престарелый живописец что-то малевал углём на листе бумаги.

Утро выдалось чудесное, и пусть окно смотрело на северо-запад, из-за чего солнечные лучи могли проникнуть в комнату только к вечеру, ничто не мешало уже спозаранку любоваться красотой небесных сфер, чистых и безоблачных. Обрамлённый оконной рамой и оттенённый лёгким полумраком комнаты, голубой цвет в вышине казался ослепительным и прозрачным. Джулиано даже задумался, как лучше смешать краски, чтобы передать этот оттенок, но, конечно, смешивать собирался не сейчас, а после – к примеру, на следующей неделе, когда не будут отвлекать разные дела.

Сладко потянувшись, юноша прыгнул с постели и в очередной раз мысленно проклял старуху, которая вчера обещала лучшую комнату задёшево, но не сказала, что кровати там не две, а одна, большая. Очевидно, именно по этой причине комната не пользовалась спросом у проезжающих, большинству которых не хотелось раскошеливаться, чтобы снимать такие апартаменты одному, а вдвоём неудобно. «Так ведь и придётся все ночи слышать храп над ухом», – подумал Джулиано, надевая башмаки, а затем подошёл к столу и заглянул учителю через плечо, чтобы посмотреть рисунок.

На листке запечатлелись узнаваемые изломы крыш и волнистая линия гор на горизонте, но в то же время пейзаж чем-то неуловимо напоминал Тоскану. Наверное, старик, который имел уже не настолько острое зрение, чтобы зорко видеть вдаль, рисовал не совсем с натуры – больше по памяти.

Внизу за окном кудахтали куры, а мужской и женский голос переругивались на непонятном языке. Мужской голос, вероятнее всего, принадлежал хозяину постоянного двора, а женский – старухе, и эти звуки вернули молодого флорентийца к мыслям о насущных вещах, например, о завтраке для учителя и для себя.

Завтракать флорентийцы предпочли в комнате, чтобы старику не пришлось лишний раз ковылять по лестницам. К тому же в нижнем помещении сделалось тоскливо, ведь ватага во главе с Лаче уже давно отплыла дальше по реке, а ученик придворного живописца с учителем остались в гостинице единственными постояльцами.

После завтрака, выйдя на воздух, Джулиано с удивлением обнаружил, насколько ошибся вчера, думая, что приехал в город, ведь оказалось, что это скорее деревня.

Дома здесь были хоть и каменные, но почти все одноэтажные, так что в светлое время найти постоялый двор – с двумя-то этажами! – смог бы каждый желающий. Трактир стоял на узкой улочке, вылезшей хвостом на склон большого холма, причём трактирное заведение находилось на самом кончике хвоста, в самой высокой точке, поэтому не только само хорошо просматривалось издали, но и позволяло постояльцам свободно оглядывать окрестности поверх заборов.

Заборы в Вышеграде строились на удивление низкие. Наверное, здесь жили люди бедные, ведь известно, что только богачи стремятся ставить забор повыше, а у бедняков всё напоказ.

Оглядывая соседние дворы, флорентиец видел, как сушится бельё на верёвках, как люди копаются в огородах с пока ещё пустыми грядками и как дети играют в догонялки на перекрёстке в конце улицы, а вместе с ними бегают некая собака и тоже стремится принять участие в игре.

Даже трактирщик, давший приют флорентийцам, не казался зажиточным человеком, хоть и поставил себе высокую ограду и крепкие ворота. Вчера вечером гостиница казалась

неприступной крепостью, а теперь Джулиано видел, что внушительный забор стоит лишь со стороны улицы, а на углу обрывается и далее – по тому краю, что граничит с соседями, – продолжается низенькой дощатой загородкой. Задворки трактира выходили на необжитую часть холма, поросшую непроходимым кустарником, поэтому они не нуждались в ограждении, а четвёртая сторона двора упиралась в склон, частично срытый и укреплённый каменной кладкой.

В этой каменной стене виднелась тяжёлая дверь погреба, который, как по опыту знал Джулиано, должен горизонтально уходить в глубь земли шагов на пятьдесят и заканчиваться тупиком. «Хорошо бы, это оказался не только винный погреб, но и кладовая со снедью», – подумал флорентиец, уже прикидывая, не удастся ли наведаться в эту кладовую хоть раз тайком от хозяев, ведь бесплатная еда лишней не бывает.

Ученик придворного живописца рассеянню оглянулся по сторонам, но тут его внимание привлекла одна из гор, которые высились над селением и прижимали его к Дунаю. Покрытая серо-бурым лесом, как и все окрестные вершины, она вздымалась к небесам выше других и была увенчана цитаделью-короной.

«Вот это удачно, – решил Джулиано. – Значит, не нужно ни у кого спрашивать дорогу в крепость», – ведь местные жители отняли бы у него кучу времени своими разговорами, а юноша, хоть и любил поговорить, но ненавидел отвечать на одни и те же вопросы. В частности, он устал объяснять венгерским обывателям, что во Флоренции нет короля, а есть республика, которая весьма отличается от монархии, но венгры упорно не хотели уяснить себе, как же это так.

Терять время ученик придворного живописца не хотел ещё и потому, что должен был поскорее попасть к коменданту крепости и утрясти все формальности, дав возможность учителю приступить к выполнению королевского заказа. Джулиано и так уже проспал, поэтому теперь следовало торопиться. Он подошёл к круглому каменному колодцу во дворе, тщательно вымыл лицо и шею, затем вернулся в комнату, надел куртку и плащ, взял бумагу с королевской печатью, упрятанную в кожаный чехол, после чего, объявив учителю, куда идёт, удалился.

Спустившись со второго этажа, Джулиано попрощался со старухой, протиравшей столы в нижней комнате, на выходе кивнул трактирщику, коловшему дрова возле крыльца, пересёк двор и уже собрался выбраться за ворота, но тут услышал, как его окликнули:

– Господин Питтори.

Флорентиец вдруг осознал, что его окликнула девица. Он оглянулся, и в это мгновение оправдались его самые радужные ожидания. Голос действительно принадлежал дочке трактирщика, а сейчас она быстро шла к воротам от дверей кладовой и приветливо улыбалась.

– Есть ли у господина Питтори немного времени? – спросила светловолосая красавица, подойдя к юноше на расстояние вытянутой руки.

– Разумеется! – с жаром ответил тот. – Сколько угодно времени. Хоть час, хоть целый день, а при необходимости и вся моя жизнь в твоём распоряжении. Что ты хотела?

– Целая жизнь? – хозяйская дочка притворно удивилась. – Так много мне не надо. Я только хотела спросить...

– Что именно?

– Бабушка сказала мне, что господин будет часто ходить в Соломонову башню.

– Да, наверное.

– А сейчас господин идёт туда?

– Сейчас я иду к коменданту крепости.

– А в Соломонову башню?

– Вероятнее всего, нет, – ответил Джулиано, но, увидев на лице красавицы тень разочарования, поспешно добавил. – А может быть, и зайду.

Девица, услышав это, снова оживилась, сделалась приветливой:

– Если это случится, могу ли я попросить, чтобы господин рассказал мне про всё, что увидит в башне?

– Конечно, я тебе расскажу, – произнёс Джулиано, весьма обрадовавшись неожиданному поводу завести прочное знакомство с хозяйской дочкой. – Но почему такой прелестной девушке, как ты, нужно что-то узнать про такого ужасного человека, как Дракула?

– Про врагов надо всё знать, – ответила красавица, перестав улыбаться, и теперь её лицо стало почти суровым. – Про врагов надо всё знать, – повторила она, – а мы живём в этом городе уже не первый год, но до сих пор мало чего нового выяснили про узника. Нам известно почти то же, что было известно до приезда.

Теперь, когда Джулиано понял, что движет его собеседницей, он смог легко подладиться под её речь:

– И ты хочешь, чтобы я обрисовал тебе во всех красках это чудовище?

– Да! – воскликнула девица, будто заранее готовясь услышать нечто интересное.

– Хочешь, чтобы я рассказал, как он себя ведёт и о чём говорит?

– Да, – красавица кивнула.

– А тебя интересуют истории об этом человеке, которые я, возможно, услышу от его тюремщиков?

– Да.

Наверняка дочка трактирщика хотела собрать сведения об узнике не только потому, что считала этого человека врагом, но и потому, что сама являлась заядлой сплетницей. Эту страсть к сплетням можно было использовать, и юный флорентиец решил сделать пробный шаг:

– Скажи хоть, как тебя зовут. Ведь я должен знать, для кого стараюсь, добывая сведения про Дракулу.

Девица перестала улыбаться, как и в предыдущие два раза, когда Джулиано обещал отдать в её распоряжение свою жизнь и назвал прелестной. Наконец, она снисходительно усмехнулась и ответила:

– Я скажу своё имя, когда господин вернётся.

* * *

Когда будущее кажется туманным и мрачным, а в настоящем не происходит ничего значительного, то мысль невольно обращается к прошлому. Наверное, поэтому Влад, сидя взаперти в Соломоновой башне, часто вспоминал прежние годы и даже детство, когда он, ещё совсем карапуз, ведомый за руку нянькой, поднимался по крутым лесенкам в покои матери, а мать осматривала сына со всех сторон и трепала за щеку, будто проверяя, достаточно ли упитан.

«Как же вышло, что этот карапуз вырос в человека, которого все вокруг считают великим злодеем? – спрашивал себя узник. – Неужели я это заслужил? Нет, не заслужил! И злодей не я, а те, кто меня так называет. Я всегда поступал по справедливости, а потому если и творил зло, то лишь в ответ на зло, сотворённое другими! А теперь зло, которое причинили мне, забыто. Все помнят лишь то, что сделал я... Нет... И это не так! Никто уже не помнит, что я совершил на самом деле. Всё, содеянное мной, молва увеличила во сто крат, а затем извратила. Я не заслужил той славы изверга, которой оваян. Не заслужил!»

Вместе с этими горькими мыслями к Владу приходило и другое воспоминание – как он, уже подросток, нечаянно застал отца молящимся на коленях перед иконами. В те годы родитель ещё не успел сделаться князем и просил Бога о помощи, шепча что-то. Маленький сын не сразу, но всё же распознал в отцовской речи текст одного из псалмов и удивился: «Почему не молиться своими словами?» Теперь же, в Соломоновой башне, казалось, что тот псалом как нельзя точнее выражает чувства всякого, у кого почти не осталось надежды.

– Услышь меня, Господи! – молил родитель. – Враг растоптал мою жизнь, вверг меня во тьму, и я не вижу дневного света, как не видят его мёртвые.

Отец говорил так, потому что расстался с прежней жизнью, которую вёл в румынской столице, был вынужден скрываться на чужбине, тосковал, и красота белого света для него померкла. Теперь же и Влад, сидя в Соломоновой башне, молился так.

«Враг растоптал мою жизнь, – думал он, – посадил в темницу, и пусть в окно своей сумрачной тюрьмы я вижу солнце, но ничего не могу делать и проку от меня столько же, как если бы я уже умер. Пусть мне не угрожают смертью, но душу мою хотят поработить».

В псалме так и было сказано: «Враг охотится за моей душой», – и теперь Влад со всей ясностью понял, что они означают. «От меня хотят, чтобы я покорился, – мысленно твердил узник. – Хотят признания, будто я мучитель невинных и что все наговоры на меня – правда. Моим врагам кажется, что признание – это только пустые слова, которые легко произнести, но если я назову ложь правдой, то потеряю последнее, что у меня осталось, – надежду, что время всех рассудит и что я обрету достойный облик хотя бы в глазах потомков».

– Я совсем упал духом, а сердце моё в смятении, – когда-то говорил отец Влада, обращаясь к Богу словами псалма, а сейчас узник Соломоновой башни чувствовал то же самое, хоть и старался бодриться. «Неужели не на что мне уповать, кроме чуда? Но ведь есть же друг Штефан, который в силах мне помочь. Он непременно попытается. Я ведь выручал его не раз. Не мог он забыть о моих прежних услугах. Не мог!»

Когда Влад после смерти молдавского князя Богдана проводил осиротевшего Штефана в Трансильванию, это была лишь одна из услуг. Правда, довезя друга до трансильванских земель, Влад вскоре его покинул, потому что оказался выпровожен из этих пределов под конвоем и не мог остаться. Так уж вышло, что могущественный венгр Янош Гуньяди, давний враг Влада, приютил у себя Штефана, но «проводжатога» выслал, и друзья снова встретились лишь через пять лет. К тому времени Владу уже удалось вернуть себе румынский трон, а Богданов сын, узнав об этом, приехал в Румынию, чтобы снова просить помощи, но теперь уже хотел противоположного – не покинуть Молдавию, а вернуться в неё и получить молдавскую корону.

Влад и во второй раз не отказал, однако сейчас, сидя в башне и вспоминая ту встречу, чувствовал укоры совести. «Я гордился вновь обретенной властью, поэтому говорил с другом немного свысока, и пусть он из-за своего телячьего простодушия не замечал этого, но я-то помню, как всё было».

Сейчас Влад понимал, что чувствовал Штефан, обращаясь к нему за помощью: «Он надеялся на меня так же, как я теперь надеюсь на него, а нынче мой друг крепко сидит на молдавском троне и сам имеет право говорить со мной, неудачником, свысока».

Давняя встреча, о которой вспоминал узник Соломоновой башни, случилась ясным зимним днём незадолго до Рождества. Влад, уже три с половиной месяца как обосновавшийся в отцовском дворце в Тырговиште⁹, был весьма доволен жизнью и оставил привычку сидеть, будто нахохлившись. Теперь он держал спину прямо, как положено правителю, и сделался важным.

Влад принял Штефана, обедая в одной из комнат личных покоев, весьма просторной, а её стены, прямо-таки светившиеся новой побелкой, разительно отличались от закопченных стен корчмы, где друзья имели обыкновение беседовать в прежние времена.

Румынский государь сидел за длинным столом, за которым легко уместилось бы двенадцать человек, но трапезу с государем разделяли лишь двое. Оба были бояре, похожие друг на друга своими одинаково чёрными волосами и усами, умашенными, чтоб выглядели глаже и аккуратнее, а довершали сходство одинаково тяжёлые выходные кафтаны с замысловатыми застёжками на груди.

⁹ Дракула во второй раз занял румынский престол 20 августа 1456 года.

Первый государев сотрапезник занимал должность стольника и потому был обязан пробовать каждое блюдо, подаваемое Владу, а вторым стал начальник конницы по имени Молдовен, которого когда-то звали по-другому, но он взял себе новое имя-прозвище в память о том, что Влад вывез его из Молдавии и приблизил к своему двору.

Штефан, которого в комнате уже ждали, робко ступил через порог, поклонился, прижав к груди правую ладонь, и произнёс:

– Добрый день, Влад, брат мой.

Оглядевшись и заметив возле «брата» двух бояр-сотрапезников, гость на всякий случай поприветствовал их тоже:

– Добрый день и вам, жупаны.

– Добрый день, братец, – молвил румынский государь. – Давно не виделись. Рад тебя снова встретить, – однако он не встал со своего резного кресла, похожего на трон, чтобы обняться с другом, как бывало прежде, в Молдавии.

Где и как провёл Штефан те пять лет, что минули со времени расставания, Влад тогда ещё не знал – лишь видел, что друг изменился мало. Усы отросли подлиннее, но не придали своему обладателю мужественности, потому что в его глазах осталась всё та же доверчивость к людям, как у телёнка.

Одевался Штефан более чем скромно, и это заставило Влада призадуматься. «Я ведь помню, что из походной казны Богдана мы взяли достаточно золота, а Штефан растратил всё за пять лет? – молодой государь даже удивился немного, но тут же нашёл объяснение. – Наверное, помогал таким же скитальцам и раздавал щедрую милостыню нищим, вот и наступило оскудение в кошельке».

– Садись, угощайся. – Влад движением головы указал на кресло по правую руку от себя.

Штефан занял предложенное место и с некоторым замешательством оглянулся на боярина Молдовена, сидевшего за столом с того же краю, что и гость, – этот боярин показался знакомым.

– Как здоровье матушки? – спросил Влад.

– Моя матушка в добром здравии и укрепилась духом, – ответил Штефан. – С тех пор как она постриглась в монахини, Господь дал ей силы.

Богданов сын снова оглянулся на Молдовена, а Влад, видя замешательство друга, спросил:

– Узнаёшь? Этот человек служил твоему отцу, а теперь служит мне.

Молдовен сдержанно улыбнулся, и лишь стольник оставался безучастным наблюдателем этого разговора, молча пододвигая Штефану кушанья.

– Я полагаю, – продолжал Влад, – человек из Молдавии нам скоро понадобится, ведь он знает тамошнюю местность. К тому же он начальствует над моей конницей, что тоже весьма кстати.

Услышав это, Штефан сразу встрепенулся:

– Так тебе известно, о чём я хочу просить, брат?! – радостно воскликнул он, не видя предложенное стольником блюдо с форелью.

– Догадаться нетрудно, – ответил Влад.

– Так, значит, я приехал не зря? – продолжал радоваться Богданов сын. – Ты поможешь мне отвоевать мой престол?

– Да, – кивнул румынский государь, – я помогу тебе вернуть престол, на котором должен сидеть ты, а вовсе не Пётр Арон, который изловил твоего отца в Реусени и отрубил ему голову.

– Значит, ты дашь мне войско, брат? – вдруг запнулся Штефан.

Он спросил так, будто ему уже доводилось слышать «нет», а теперь он услышал «да» и, несмотря на всю свою неиссякаемую веру в людей, не верил своему счастью.

– Я не только дам тебе войско, но и сам пойду вместе с тобой в Молдавию, – ответил Влад.

Впоследствии ему довелось услышать, как молдавские пастухи, собравшиеся вечером у костра, рассказывали друг другу о том походе – они говорили, будто Штефан вёл армию сам, а Влад, спокойный за судьбу друга, остался дома. Это была чистейшая выдумка, но рассказ звучал с таким искренним простодушием, что румынский правитель мог только порадоваться за Штефана, которого народ столь сильно любил, что приписывал ему небывалые таланты. Наверное, молдаванам очень хотелось, чтобы их любимый правитель не только в зрелые годы, но и в юности проявил себя умелым полководцем, поэтому они сами не заметили, как стали выдавать желаемое за действительное. Спорить с теми рассказчиками Влад даже не пытался, потому что никому ещё не удавалось опровергнуть «правду», что идёт от сердца.

И всё же румынский государь помнил, как рассуждал в тот день, когда Штефан пришёл просить войско. «Нет, телёночек, – думал тогда Влад, – Своих воинов я тебе не доверю. Пусть ты мой друг, но и мои воины мне не чужие. Я их сам набирал, сам обучал стоять в боевом порядке, сам вооружал. Не далее как в прошлом году это было. Я ел с ними из одного котла и спал под открытым небом, как они. Я проделал с ними весь путь через горные перевалы до самых стен румынской столицы. Эти люди разделили бы со мной поражение, если б вернуть власть мне не удалось. А теперь, телёночек, ты просишь доверить этих воинов тебе и хочешь вести их неведомо куда? Не-ет. К тому же они и не пойдут за тобой. Они ведь тебя не знают, поэтому не станут повиноваться, как повиновались мне¹⁰».

Конечно, вслух Влад так не рассуждал, чтобы не ранить самолюбие Штефана, который меж тем с наивным беспокойством спросил:

– А не слишком ли я обремению тебя, брат, если ты пойдёшь со мной? Ты же будешь отвлечён от государственных дел. Я могу взять твоё войско и пойти сам.

– Дела подождут, – махнул рукой Влад, – но даже будь у меня важные заботы, я бы всё оставил, чтобы оказать тебе услугу. Я ведь понимаю, что, кроме меня, тебе никто не поможет.

– Это правда, – грустно улыбнулся Штефан. – Раздобыть войско не так-то просто. Я ведь сперва думал... – перед тем, как продолжить, гость виновато потупился, – я думал, что воинов даст Янку. Хоть ты с ним и враждовал, но у него был договор с моим отцом, и я надеялся, что Янку сдержит слово, а тот не говорил ни да ни нет...

– ...пока, наконец, не скончался от чумы? – ехидно спросил Влад, не без удовольствия вспомнив о смерти ненавистного врага. – Я ведь говорил тебе много раз, братец, что ты скорее увидишь свой затылок без зеркала, чем дождёшься помощи от Яноша. Он ни о ком не заботился, кроме себя.

– Я помнил об этих словах, – будто оправдываясь, произнёс Штефан, – поэтому довольно быстро разуверился в Янку. Ты думаешь, что я до последнего часа его жизни надеялся на выполнение обещания? Нет. Я ещё несколько лет назад отказался от гостеприимства Янку и решил попытать счастья у ляхов.

– У ляхов? – румынский государь сперва решил, что ослышался. – То есть у тех, кто помог взойти на трон убийце твоего отца?

– Да. – Гость ещё сильнее потупился, заметив неодобрение друга и боясь, что тот заберёт назад своё обещание насчёт войска.

«До чего же этот Штефан миролюбивый! – меж тем подумал румынский государь. – Прямо святой! А вот я не таков». Не случайно Влад, стремясь добыть себе румынский престол, не обращался за помощью к венграм. Сама мысль о подобном обращении казалась предательством памяти отца и старшего брата, погибших по вине одного из венгров – Яноша Гуньяди. «А вот Штефан, значит, поступил бы иначе. Он следовал бы христианскому правилу прощать

¹⁰ В исторических источниках не упоминается, кто возглавлял румынскую часть войска. В романе озвучивается версия, что её возглавлял сам Дракула.

врагов», – рассуждал Влад и почему-то не мог одобрить эту христианскую терпимость, которую проявлял друг.

Штефан же, хоть и смущённый, не собирался говорить, что ошибся. Глядя на этого телёнка, румынский государь даже подумал, что тот не потупился, а скорее набычился и мысленно твердит, что не жалеет о своём обращении к полякам, ведь христианский закон велит прощать обиды.

– Моего отца убили не ляхи, а Пётр Арон, – вдруг промычал телёнок неизвестно откуда взявшимся басом, но затем продолжил своим привычным, более высоким голосом. – Я пошёл к ним в надежде восстановить справедливость, но ляхи мне не помогли. Я провёл у них довольно много времени. Даже успел жениться, родить сына и похоронить жену.

– И где же теперь сын? – спросил Влад, чтобы направить разговор, ставший неприятным, в другое русло.

– Пока живёт у моей матушки при монастыре, – отозвался друг.

– Ну, тогда с восстановлением справедливости надо поспешать, – заметил боярин Молдовен, до сих пор не сказавший гостю ни слова. – Ведь мальчонке недолго подрасти, и тогда в женском монастыре ему будет не место.

Влад беззвучно засмеялся.

– Я сам думаю об этом, – признался Штефан, тоже улыбнувшись, но тут же горестно вздохнул. – Одному изгнаннику тяжело, а вдвоём ещё тяжелее. А без денег мало от кого дождёшься помощи.

– Ты правильно делаешь, брат, что обращаешься ко мне, – подытожил румынский государь. – Вот что мне думается. Оставайся-ка здесь, у меня под крышей, сколько потребуется. Места во дворце много. К тому же удобнее будет обсудить, когда и как выступать в поход.

Влад сказал «обсудить», хотя на самом деле собирался решать всё сам. Штефан пытался давать советы, но друг неизменно отметал их.

– Когда мы пойдём в поход? Скоро? – спросил телёнок уже на следующий день после того, как переехал во дворец.

– Зимой воевать плохо, – ответил Влад. – Лучше подождём весны. Нагрянем в Молдавию в апреле.

– Почему не в марте? – удивился Штефан. – Март тоже довольно тёплый месяц.

– Нет, – усмехнулся румынский государь, – на март назначено у меня одно дельце, которое я не хотел бы отменять. К тому же оно наверняка поможет нам запутать наших молдавских противников.

– Как запутать? Скажи мне, – попросил Штефан, на что услышал:

– А оставил ли ты привычку откровенничать со всеми подряд, которую имел не так давно?

Через четыре месяца, в марте, Влад отправил в трансильванский город Надьшебен письмо¹¹. Государь пенял, что в Надьшебене дали приют одному из претендентов на румынский престол и плетут заговор, чтобы свергнуть в Румынии законную власть. Заодно Влад припоминал давнюю обиду, нанесённую ему надьшебенцами. «Меня пытались захватить и убить», – утверждал румынский правитель. Обвинение было серьёзное. К тому же в письме делались намёки, что жители города Брашова, соседствующего с Надьшебеном, тоже имели отношение к произошедшему. Ожидать ответа на подобное послание вряд ли следовало, поэтому через неделю после отправки письма Влад просто пошёл на обидчиков в поход.

– А после мы пойдём в Молдавию? – спросил Штефан, чей конь шагал по дороге справа от Вladoва коня.

¹¹ Это письмо было отправлено 14 марта 1457 года.

– Сначала разделаемся с моими обидчиками, а там решим, – невозмутимо отвечал румынский государь, любуясь зазеленевшими полями вокруг, тёмным лесом, покрывавшим дальние холмы, и еле заметной в голубой дымке горной цепью, что выглядывала из-за холмов впереди, на самом горизонте, и почти сливалась с небом.

– А может, решим сейчас? – не унимался Штефан.

– Если я сказал, что помогу тебе отвоевать престол, значит так и будет. Не торопи меня, – сказал Влад. – Почему ты не хочешь насладиться путешествием?

– Путешествием? – удивился друг. – Мы же едем на войну.

– Ах да, на войну, – непринуждённо ответил Влад, с удовольствием вдыхая прохладный весенний воздух.

Нетерпеливый Богданов сын тоже пытался последовать этому примеру, но очень скоро начал морщиться и кривиться, когда зелёные пастбища, простиравшиеся справа и слева от дороги, сменились тёмными бороздами пашен:

– Нельзя ли нам с войском двигаться быстрее? – спросил Штефан.

– Зачем?

– А ты разве не чувствуешь вонь?

– Так пахнет навоз, – спокойно ответил Влад. – Крестьяне по весне удобряют землю. Как же без этого?

– Как ты можешь терпеть? – не понимал друг. – Позволь, я проеду вперёд. Нет сил выносить этот запах!

– Ничего, сейчас притерпишься и перестанешь замечать, – успокоил его Влад. – А вперёд тебе ехать ни к чему. Пусти тебя вперёд, ты поскачешь до самой Молдавии. А мне прикажешь тебя догонять? Нет. Лучше посмотри, как красиво высятся горы впереди.

Горы, на которые указывал румынский государь, уже приблизились настолько, что на хребтах, всё так же окутанных голубой дымкой, теперь ясно различались белые прожилки снегов, которые должны были окончательно стаять только к августу.

С каждым шагом эти горы становились всё ближе, а к началу третьего дня пути Влад и Штефан приблизились к ним вплотную. Войско вступило в ущелье и двинулось по узкой извилистой дороге, что вела вдоль реки. Справа с громким журчанием неслись воды, по-весеннему мутные. Слева возвышался крутой осыпающийся каменистый склон, густо поросший буковым лесом.

Стройные деревья тянулись к небесам, и Влад мечтательно глядел ввысь, вызывая изумление Штефана, который и сам был большой мечтатель.

– Ты совсем не думаешь о походе, – упрекал Штефан друга. – Ты сказал, что те люди из Надьшебена и Брашова обидели тебя, но совсем не кажешься обиженным.

– Я обижен, – спокойно возразил Влад, – но не даю обиде взять верх над разумом. Тебе следовало бы вести себя так же.

– Я бы и рад, – сказал Штефан, – но не могу. Тебе легко. Ты обижен из-за каких-то заговорщиков, которые никогда не смогут лишить тебя власти, хоть и пытаются.

– А ещё меня пытались убить.

– Всё равно это мало! Тебя лишь пытались лишить чего-то и не смогли, а меня лишили отца! Человек, который его убил, не обидел меня, а сделал гораздо хуже. Я даже не знаю, как назвать. Обида тут слишком мягкое слово. Это не сравнить с твоими делами в Надьшебене и Брашове.

Когда Влад услышал, как Штефан говорит о своём убитом родителе, то могло показаться, что румынский государь в глубине души всё-таки одобряет горячность друга и сам вот-вот утратит спокойствие, распалится гневом из-за подлого убийства и отдаст войску приказ ускоренным шагом идти в Молдавию. Однако чувства Влада не прорвались наружу.

– Значит, по-твоему, мне легко? – наконец, молвил князь. – Это тебе легко. Тебе пришлось ждать всего пять лет, чтобы покарать убийцу. Скоро справедливость восторжествует. А я ждал десять лет, чтобы отомстить за своего убитого отца. Это вдвое дольше твоего. И у меня не было рядом товарища, который твердил бы мне «не спеши», «прояви терпение», «успокойся». А ведь если бы я вёл себя так горячно, как ты сейчас, моя месть осталась бы неосуществлённой.

Чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей, румынский князь начал пристально смотреть вперёд, и вдруг справа, из-за кустов, росших вдоль реки, на дорогу выскочили две молодые косули. До них оставалось не более полусотни шагов, поэтому было хорошо видно, что обе они безрогие. Две светло-коричневые мордочки с большими чёрными глазами разом повернулись к людям, а в следующее мгновение прыгучие создания будто взлетели на склон, поросший лесом, и всё такими же прыжками начали подниматься выше и выше. Только и оставалось наблюдать, как ярко-белые хвосты мелькали меж деревьями и наконец скрылись среди леса где-то на недостижимой высоте.

– Эй! Смотри-ка! Должно быть, спускались к реке на водопой, – весело сказал Влад, снова обернувшись к другу.

... Через несколько дней, преодолев горы, войско вышло на равнину, окружённую возвышенностями со всех сторон. На этой равнине и стоял город Надышебен. Местность принадлежала уже не к Румынии. Здесь начинались земли, именуемые Трансильванией, поэтому Штефан полагал, что теперь, на неприятельской территории, настроение друга изменится.

Но не тут-то было! Румынский государь продолжал любоваться природными красотами, равнодушно взглянул в сторону каменных бастионов Надышебена, возвышавшихся над земляным валом, и лишь спросил у боярина Молдовена, рассылавшего везде конных разведчиков:

– Ну? Что горожане?

– Затворились в крепости, государь, как ты и ожидал, – ответил боярин.

– А может ли случиться, что из-за стен к нам выйдет рать и захочет сразиться с нами? – продолжал спрашивать Влад.

– Нет, государь, – последовал ответ Молдовена. – Горожане настолько удивлены твоим появлением, что боевого духа в них не найти. Они даже не уверены до конца, враг ли ты. Они надеются, что ты пришёл не к ним, а просто следуешь через их земли куда-то по своим делам.

– Надеются, что пришёл не к ним? – усмехнулся Влад. – Для чего же я тогда отправил в город письмо, где перечислял обиды, нанесённые мне? Пусть я прямо не грозил войной, но я намекнул. А если эти тугодумы не поняли намёка, придётся показать сейчас, что я пришёл именно к ним.

– А вдруг горожане, когда получили письмо, всё же подготовились? – встрял в разговор Штефан. – Вдруг наняли каких-нибудь воинов?

– Нет, – снова усмехнулся Влад. – Если бы они кого-то наняли, мы бы уже знали об этом. Не все в Надышебене – мои враги. Есть и друзья.

Несмотря на обещание показать горожанам, что началась война, румынский государь даже не приблизился к Надышебену, а повёл армию куда-то мимо – на восток по равнине, которая тянулась и тянулась вдаль. Единственное, что сделал Влад, – это повелел конникам Молдовена стогнать к войску здешних овец, которых владельцы не смогли спрятать за стенами Надышебена – уж слишком многочисленны были отары, а угнать скот подальше хозяева просто-напросто не успели.

– Вот ещё добыча! – докладывал князю Молдовен.

Влад же одобрительно кивал и напоминал:

– Не забудьте подпалить стога. Зачем здешним жителям сено, если у них больше нет овец!

– Что мы делаем? – недоумённо спросил Штефан. – Я думал, мы пришли воевать.

– Да, – согласился друг и терпеливо объяснил, указывая на людей, поджигавших очередной стог. – Вот войско, явившееся на чужую землю. Вот дымы пожарищ. Чем тебе не война?

– А как же жители Надышебена, которые тебя обидели?

– Да Бог с ними.

Штефан ничего не понял из этого объяснения, но сделался хмурым, потому что сознавал, что во всём войске Влада оказался единственным, кому не нравилось нынешнее положение дела. Остальные выглядели довольными, ведь сражений не случилось, а значит, не было крови и смерти. Была лишь удобная дорога, которая вела вперёд и вперёд, а по вечерам армия жарила баранину на кострах, ела мясо и славилась своего государя-воеводу за сытный ужин.

На третий день этой странной войны Штефан, по-прежнему ехавший по правую руку от Влада, снова обратился к другу:

– Я заметил, что наше войско движется всё дальше на восток. Неужели это значит, что мы идём в Молдавию?

– Нет, сейчас мы идём в сторону Брашова, – ответил Влад. – Не забывай, что среди брашовян тоже есть мои обидчики.

– А когда же в Молдавию? – Штефан уже начал терять терпение, поэтому если раньше он спрашивал скромно, то теперь повысил голос.

– В который раз говорю тебе, братец, не горячись. Посмотри лучше, как красивы здешние места, – ответил Влад и широким жестом указал вокруг.

Слева от дороги возвышалась горная гряда, поросшая всё тем же безлистным буковым лесом с редкими зелёными крапинами елей. Издалека этот лес казался бурым и не очень красивым, зато, если повернуться направо, вид открывался совсем другой. Там, на дальней границе полей и пастбищ, вырастали из земли огромные синие хребты, стоявшие в несколько рядов друг за другом и чередовавшиеся по оттенкам от тёмного к светлому. Проносившиеся над хребтами облака задевали за острые вершины, а солнце, раздвигая облака лучами и освещая лежащий на вершинах снег, делало его ослепительно белым.

Зрелище завораживало, но Богданов сын не стал долго глядеть на всю эту красоту. Его одолевали тяжёлые думы. Он угрюмо прислушивался к разговорам своего друга с Молдовеном по поводу того, что добывать пищу для армии стало труднее.

– Теперь никто не пасёт овец поблизости, – докладывал Молдовен. – И селения, которые нам попадаются, все пустые, потому что люди покидают свои жилища и запираются в церквах, как в крепостях, готовые отбиваться до самой смерти.

– А вы что? – спросил Влад.

– Мы никого не трогаем, – заверил князя боярин. – Не хватало нам тут ещё кровь проливать из-за дюжины мешков зерна. Но то, что здешние жители боятся, означает – они увидели дым вдалеке и теперь не сомневаются, что ты идёшь на них войной.

– Вот и хорошо, – таинственно произнёс Влад. – Пускай боятся. А иначе что же это за война, когда у людей нет страха!

Ничего не понимавший Штефан набычился, а румынский государь, помолчав немного, добавил:

– Я всё же надеюсь, что жители Надышебена внимательно перечитали моё письмо и увидели, что там упоминается и Брашов.

– И что же? – грубо встрял Штефан.

– А то, что жители Надышебена могли послать к брашовянам гонца кружной дорогой, – объяснил Влад, как будто не замечая грубость друга. – Тогда брашовяне тоже испугаются, и уже никто не будет сомневаться, что я затеял войну.

– Одно могу сказать наверняка, – продолжал докладывать Молдовен, – здешние жители думают, что все те селения, которые остались у нас позади, мы спалили дотла.

Добравшись наконец до Брашова и получив от Молдовена сведения, что жители спрятались за стенами и готовятся к жаркому бою, Влад улыбнулся, весьма довольный собой, но опять не начал осаду, а пошёл мимо города ещё дальше на восток. Казалось бы, куда уж дальше?

– А вот теперь мы идём в Молдавию! – неожиданно объявил румынский государь своему другу, который ехал рядом и был столь мрачен, что казалось, одного неосторожного слова достаточно, чтобы Богданов сын уподобился разъярённому быку и начал бушевать так, как когда-то бушевал его отец.

Слова Влада отвратили надвигающуюся бурю, потому что Штефан сразу просветлел лицом и изумлённо переспросил:

– В Молдавию?

– Да.

– Чтоб я мог наказать убийцу моего отца и получить трон, который мой по праву?

– Да.

– Ты решил идти туда только сейчас? – продолжал спрашивать Богданов сын, снова став похожим на телёнка, а не на быка.

– Нет, – вынужден был признаться Влад. – Я решил так с самого начала, ещё до того, как мы покинули Тырговиште.

– А мне не сказал? – Штефан был изумлён настолько, что даже не стал обижаться.

– Теперь я могу рассказать тебе свой замысел, – поспешно произнёс румынский князь, опасаясь, что друг всё-таки вспомнит о гневе и тогда объяснение станет трудным. – Помнишь, я ещё до похода упоминал, что мы должны запутать наших молдавских супротивников?

– Да, но ты ничего не пояснил. Сказал, что я слишком болтлив...

– Так вот, – начал Влад, – я отправился разорять окрестности Надьшебена и Брашова только затем, чтобы в Молдавии твои враги не успели подготовиться к войне.

– А как одно вяжется с другим? – Штефан продолжал изумляться.

– Всё очень просто, – улыбнулся князь. – В Молдавии прекрасно знали, что ты поселился у меня во дворце. Известно было и то, что я снаряжаю войско. Такое не скроешь. А теперь представь, что мы с этим войском могли бы выйти из Тырговиште, но отправиться не в сторону Надьшебена, а сразу на восток, к молдавской границе. Расстояние от моей столицы до вашей границы весьма велико, но уже на второй день похода все поняли бы, куда мы держим путь, потому что этой дорогой ходят только в Молдавию. Вот зачем я затеял ссору с Надьшебеном и Брашовом. Я прошёл к Молдавии через их земли, делая вид, что воюю там. Заметь – от Брашова до молдавской границы идти менее двух дней. Да, я сделал большой крюк, зато, пока мы с тобой шли, твои враги в Молдавии гадали, куда я поверну после Брашова – обратно в Румынию или всё же к ним. Ты не знал, куда мы на самом деле идём, и весь извёлся, а твои враги, наверное, извелись ещё сильнее, спать спокойно не могут. Теперь-то они хватились, но поздно – моё войско вот-вот ступит на Молдавскую землю. К тому же, разоряя окрестности Надьшебена и Брашова, я кормил войско за счёт жителей Трансильвании, а не за счёт моих подданных, у которых и так хватает забот, связанных с пахотой.

– А! Значит, вот что ты делал, – наконец понял телёнок. – Поэтому ты так странно вёл себя возле Надьшебена и приказывал жечь сено? И поэтому же не пытался добраться до тех, кто затворился в храмах? Поэтому ты не стал осаждать Брашов?

– Да, – кивнул Влад. – Незачем терять бойцов, которых можно сохранить для настоящей битвы. Я добыл еды для воинов, пожёг, что не жалко, и отправился дальше – к своей истинной цели.

И тут вдруг Штефан опомнился и досадливо тряхнул головой:

– Но почему же ты сказал мне об этом только сейчас?! Застать врага врасплох это, конечно, хорошо, но ведь я должен кликнуть клич, чтобы все, кому дорога справедливость, отошли от Петра Арона, этого подлого убийцы, что сидит сейчас на молдавском троне, и соби-

рались под моё знамя. Когда же я должен собирать людей, если мы вот-вот придём в Молдавию?!

– Не тревожься об этом, – непринуждённо произнёс Влад. – Молдовен сделал за тебя всё необходимое ещё в конце зимы.

– Как? – только и выдохнул друг.

– Он поговорил кое с кем из молдавских бояр, и они ждут, пока ты явишься, готовые встать под твоё знамя. – Влад снова улыбнулся. – Заодно мы проверили их преданность. Ведь они могли рассказать о наших делах твоим врагам, но не сделали этого. Значит, будут верны тебе по-настоящему.

– И сколько же людей будет под моим знаменем? – с любопытством спросил Штефан.

– Две тысячи.

– Значит, есть ещё в Молдавии достойные люди! – радостно воскликнул будущий молдавский государь, но тут его снова одолело любопытство. – А скажи, брат, как же Молдовен их уговорил? Я понимаю, что это люди честные и всегда готовые отстаивать правое дело, но они ведь не могут знать заранее, окажусь ли я лучшим полководцем, чем Пётр Арон, который убил моего отца. Они видели меня только в битве у села Красна, где я сражался как простой воин, а больше нигде толком не видели. Как же они всё-таки согласились?

– Их и уговаривать не пришлось, – пожал плечами Влад. – Молдовен сказал им, что тебе помогу я, и они сразу уверились, что ты победишь.

Первое сражение случилось на реке Сирет, возле города под названием Роман. По утрам от реки расползались густые туманы, мешавшие хорошо видеть вдаль, но благодаря Молдовену, знавшему здешнюю местность, Влад мог представить себе, как она соотносится с тем, что отмечено на карте.

На севере от Романа большой торговый тракт, тянувшийся через широкие пастбища, делился надвое, и оба пути вели в молдавскую столицу Сучаву с той лишь разницей, что один путь был короче, а другой длиннее. Остановившись на развилке, Влад повернулся на восток и начал обозревать широкую полноводную реку, имевшую множество красивых изгибов и живописных островов-мелей.

В кои-то веки румынский государь не предложил находящемуся рядом Штефану полюбоваться природой. Лицо Влада было очень серьёзно, и он спросил Молдовена, указав рукой вправо:

– Значит, вот там есть мелкое место, где реку можно перейти вброд?

– Да, государь, – кивнул боярин.

– И это место единственное поблизости, хотя на реке много мелей?

– Да, государь, – снова кивнул боярин. – Крестьяне, которые живут на дальнем берегу, в селе Должешть, переправляются только в одном месте. А в других местах, говорят, берега очень топкие. Перейти-то можно, да у самого берега увязнешь.

– А вон там укрытие, про которое ты говорил? – продолжал спрашивать Влад, теперь указав рукой влево – туда, где на ближнем берегу реки зеленел лес.

– Да, – в третий раз кивнул Молдовен. – Лес этот чистый. Бурелома в нём нет. Так что наша конница вполне может там спрятаться.

Меж тем войско Петра Арона, которого Влад хотел свергнуть, уже двигалось из Сучавы. Добравшись до развилки, Пётр Арон упёрся взглядом прямо в реку и увидел, что румыны стоят на дальнем берегу. К тому же Влад, чтобы со своей ратью наверняка оказаться замеченным, послал к развилке конный разъезд, который, почти столкнувшись с неприятелем, во всю прыть поспешил обратно.

Румынские всадники переправились к своим, таким образом выдав врагу, где же находится брод, а молдавский князь Пётр Арон, глядя на это, призадумался. Он был человеком хитрым и осторожным. Потому-то в своё время не стал биться с Богданом, а предпочёл застиг-

нута того в селе Реусень. Теперь же хитрец видел, что войско румын защищено рекой не хуже, чем крепостной стеной, и что румынам было бы выгодно, если бы их супротивник попытался взять брод и неминуемо понёс бы при этом большие потери.

«Незачем лезть на рожон», – наверное, подумал молдавский государь, которого Влад хотел свергнуть. Вот почему войско, пришедшее из Сучавы, не стало лезть через реку, а предпочло двинуться вдоль берега по дороге, чтобы остановиться под стенами города Романа. Очевидно, молдавский князь хотел в итоге занять такое место, чтобы держать врага в поле зрения и в то же время прикрыть свой тыл.

Люди часто судят о других по себе, поэтому человек, чья осторожность столь велика, что граничит с трусостью, обычно не ожидает, что его противники сделают смелый шаг.

Войско Петра Арона двигалось по дороге, глядя только на врагов, стоявших за рекой, а в это время из лесочка позади движущегося войска выскочила конница. Была она довольно-таки мала числом, потому что больше в этом лесочке никак бы не уместилось, и всё же конница смело бросила вызов целому войску и ударила его в правый бок, начав теснить к реке.

Вскоре после этого подоспели пешие румынские воины, стоявшие на другом берегу. Они быстро перешли водную преграду по уже привычному им броду и ударили неприятеля в левый бок.

Дорогу к городу Роману румынский государь предпочёл оставить свободной и, как оказалось, поступил очень дальновидно. Войско неприятеля, теснимое с двух сторон, выскользнуло из тисков так быстро, как высказывает из руки мыльный корень, влетело в город Роман и поспешно захлопнуло за собой ворота. Однако беглецы радовались спасению недолго, потому что вспомнили – в руках нападавших остался весь обоз! Без обоза нельзя было выдержать осаду города, поскольку в обозе остался весь запас еды для войска, а тех запасов, что имелись в самом Романе, не хватило бы надолго. В том же обозе остался и запас стрел, и многое другое, что необходимо для ведения боя.

Молдавский князь, который ещё недавно считал себя очень хитрым, потому что «ловко поймал» Богдана в селе Реусень, теперь оказался в дураках и с ужасом понял, что сам не заметил, как проиграл войну. Теперь, после потери обоза, о новом сражении не было и речи. Оставалось только бежать, поэтому ещё до рассвета дальние ворота города Романа тихо открылись, и войско, которое вчера улепётывало с поля боя, побежало дальше.

Влад почти сразу узнал об этом от дозорных, но предпочёл дать своим воинам, уставшим после вчерашнего боя, выспаться, а за неприятелем погнался уже после восхода солнца. Второй и окончательный разгром бежавшего войска случился у села Орбик, недалеко от молдавской границы на дороге, что вела в Трансильванию¹².

Пётр Арон с горсткой людей всё же сумел прорваться в горы, но это событие не сильно омрачило радость победителям. Побежденные тут же признали, что Штефан должен стать новым молдавским князем по праву, а победителям досталась богатая добыча – отличные боевые кони и оружие, не говоря уже о знатных пленниках. Влад и Штефан поделили всё это меж собой по числу своих воинов, но поскольку наибольшая часть войска пришла из Румынии, две трети добычи достались румынскому государю.

После дележа Штефан сразу же явил своим пленникам великую милость – отпустил и вернул им то, что было отнято. Влад не стал поступать так же, поэтому Богданов сын посмотрел на него с укоризной.

¹² Первая битва с Петром Ароном, возле села Должешть на реке Сирет, произошла 12 апреля 1457 года. Это был вторник перед Пасхой. Вторая битва, возле села Орбик, недалеко от молдавско-трансильванской границы произошла 14 апреля, в четверг.

«Эх ты, телёнок! Так и не привык заботиться о будущем», – думал румынский князь, а Молдовен в это время нетерпеливо топтался вдалеке, но всё же достаточно близко, чтобы Влад мог видеть, – боярин уже и писаря пригласил, а у того перо и бумага наготове.

Наконец, Влад зашёл к себе в шатёр, стоявший посреди лагеря, следом юркнул Молдовен, а за ним – писарь.

– Ну, так что, господин? – оживлённо спросил боярин.

– А что? – откликнулся Влад, устало усаживаясь в походное кресло. – Мог бы и без меня начать составлять список. Я жил в Молдавии не так долго, как ты, поэтому тебе гораздо лучше знать, у кого из наших пленных сколько доходу и сколько с них возможно получить выкупа. И назначай поменьше, чтоб не пришлось нам долго ждать получения денег. Надо возвращаться домой. В Румынии много дел.

Выкуп обычно приносили жёны или матери пленников, являвшиеся в румынский стан вместе с вооружёнными челядинцами. Но случалось, Влад видел в своём шатре и седобородых отцов, которые бросали кошелёк с золотом, словно подачку. Румынский государь не обижался, а говорил:

– Что ж ты, старче, на меня-то серчаешь? Ты серчай на своего сына, который сначала не к тому войску примкнул, а затем в плен попал.

– А ты не зубоскаль! – отвечал старик. – Я пожил достаточно, чтоб самому знать, на кого серчать.

– Ты присядь, пока пленника-то приведут, – предлагал румынский правитель.

– Ничего, постою.

– Да? Ну, так я с тобой постою. У меня ноги молодые.

Влад выглядывал из шатра и, стоило показаться пленнику, кричал:

– Что ж ты так медленно идёшь! Престарелый родитель тебя стоя дожидается, а ты еле-еле ноги волочишь. Ну-ка бегом сюда!

Охрана подталкивала пленника в спину и тот или припускался бегом, или переходил на быстрый шаг, а воины, сидевшие на пути следования пленников, даже делали ставки: побежит или не побежит.

Когда горе-вояка оказывался в шатре, Влад не мог удержаться от шуток:

– Ну что? С отцом пойдёшь или в моём лагере останешься гостем? А то твой почтенный родитель, пока тебя ждал, мне порассказал, что с тобой сделает. Ой! Грешникам в аду и то слаще. Я бы на твоём месте побоялся домой-то идти.

Старик своей напускной суровостью лишь подтверждал эти слова, поэтому сыновьям частенько становилось не по себе, но всё же они выбирали неприветливый родной дом вместо гостеприимного румынского лагеря. Влада это не огорчало, а вот появление в шатре не седобородых отцов, а почтенных матерей нагоняло тоску, ведь общутить матерей было невозможно.

– Волк ненасытный! – сквозь зубы процедила очередная женщина, вручавшая Владу деньги за сына. – Ободрал с бедной вдовы шкуру и даже мясо с костей сгрыз!

– Ой! Не гневи Бога, – ответил румынский государь. – Есть волки позубастее меня. Да и с кого мне драть шкуру, если не с тех бедняков, которые одеты в дорогую одежду? Может, я должен драть со своих крестьян? Так с них, скажу тебе по правде, прежний румынский государь уже содрал всё, что можно. Пожалела бы ты бедных, мать.

– Мать? – переспросила женщина. – Была бы я тебе мать, ты бы с меня денег не собирал. Или собирал бы?

– Была бы ты мне мать, ты бы сама предложила, если б увидела, что твоему сыну-государю надобно содержать войско, – грустно заметил Влад.

С молодыми жёнками было иначе, но не намного веселее, ведь и они пытались выставить румынского государя извергом. Одевались попроще, ступали осторожно и так заматывали голову длинным белым покрывалом, что лица почти не разглядеть. Если кто в лагере оклик-

нет и обзовёт красавицей, вздрагивали. Можно было подумать, что за честь свою опасаются, а из-под края простой юбки нет-нет да и выглядывал каблук от нарядных сапожек. «Ой, род лукавый!» – думал Влад.

Эти жёны будто нарочно приносили выкуп не в кошельке, а в платке, и все узлы затягивали потуже.

– Что ж ты так затянула, любезная? Вот сама и развязывай теперь, – говорил венценосный получатель, возвращая узелок, а пока женщина занималась развязыванием, отпускал шутку, чтобы нарушить неловкую тишину. – А у нас, между прочим, за ту же цену и другие мужья есть. Посмотреть не желаешь? Возьми, кого получше. А жёны, которые придут после, пусть берут то, что достанется.

– Господь с тобой! Мне другого мужа не надо. Отдай мне моего, – пугалась женщина, а Владу, чья весёлость в очередной раз не была оценена, хотелось поскорее закончить с получением денег и отправиться домой.

«Отчего же никто не понимает, что не для себя я собираю это золото, а для войска, которому должен платить жалованье! – сокрушался он. – Ведь и у моих воинов есть семьи, которые надо кормить».

* * *

Через много лет вспоминая, как «торговал мужьями», узник Соломоновой башни вспоминал и чувство лёгкой зависти к пленникам, которое возникало всякий раз, когда очередной муж отправлялся восвояси, выкупленный женой. Совершив сделку, князь-торговец не мог отказать себе в том, чтобы выйти из шатра и подняться на деревянную вышку, нарочно построенную для обзора окрестностей, ведь стан румынского войска находился не на холме, а на ровном открытом месте.

Стоя на вышке, можно было наблюдать, как воссоединённая пара выходила за линию вожов, окружавших лагерь со всех сторон, и плелась по дороге к ближнему селению, сопровождаемая своими челядинцами. Влад знал, что жена, щадя гордость мужа, не станет ругаться в присутствии румын-победителей, но если будет думать, что те уже не видят, даст волю чувствам. Триста шагов, четыреста, пятьсот... С такого расстояния не долетали голоса, но всё и так казалось ясно.

Вот супруги идут понуро и не смотрят друг на друга – наверное, молчат. Вдруг жена поворачивается к своему благоверному, машет на него руками, судя по всему, произносит неприятные слова. Тот продолжает идти, как шёл, терпит, но вдруг не выдерживает, огрызается, а вскоре тоже начинает кричать. Женщина рассержена ещё больше, даже останавливается, чтоб высказать всё, затем прикладывает ладони к лицу – плачет. Муж обнимает её, успокаивая, и так они стоят некоторое время, а затем спокойно продолжают путь. Помирились.

«А меня, если что, и выкупить некому», – думал Влад и на досуге, поскольку дел при войске теперь было мало, попытался облечь своё чувство зависти в стихотворную форму, а получилось как-то так...

Кто без семьи живёт, освобождён от пут,
Куда захочет он, туда тотчас поедет.
Но вспомнит вдруг: назад его не ждут.
Не скажут невзначай с соседями в беседе,
Что вечный странник где-то запропал.
А пропадёшь – кручиниться кто будет
И днями напролёт пытаться глазами даль?
Тоскуют, плачут лишь родные люди.
Казалось бы, к чему искать невест?

Ведь без жены легко, не давит груз забот!
Но о тебе самом, когда один как перст,
Кто позаботится? Хворь если нападёт,
Сиделкой станет кто? А если воевать
Отправившись, окажешься в плену?
Кто денег привезёт, чтоб выкуп дать?
Надежда вся на ближнюю родню и на жену.
А если близкой нет родни, супруги нет?
Вот для чего тебя ищу – ты мне нужна,
Чтоб вечерами видел я в окошке свет,
И чтобы дверь не запирала допоздна.
Хочу услышать: «Ах, такой-сякой!
Вестей не шлѐшь и долго не видать.
По-твоему я что, с людской молвой
Должна теперь все вести получать?!»
Хочу услышать: «Только в прошлом годе
Я украшенья продала, на выкуп наскребая.
Позабыл? Ну а случись что снова на походе,
Мне продавать уж нечего. Была глупа я!
Тебя, бедового, себе на горе полюбила!»
Хочу упрѐки едкие услышать оттого,
Что женский крик и есть любви мерило.
Жена бранится, но целует после – о-го-го!
Хочу, чтоб надо мной допросы учиняли:
«Куда поедешь? Скоро ли ко мне назад?
Как! Почему не скоро? Ты меня в печали
Одну оставишь? Дома ты пожить не рад?»
Я знаю, что ищу, но где найти – не знаю.
И остаётся мне глядеть по сторонам
И думать: «Незнакомка ты моя родная,
Небось, за поворотом, где-то там,
Стоишь и ждѐшь меня, а я не поспешаю».

С таким настроением князь и возвращался домой в Румынию. Путь лежал через южную часть Молдавии, которая напрямую граничила с румынскими землями, и потому вокруг виделся почти родной пейзаж – холмистые равнины, покрытые лоскутным одеялом полей и пастбищ.

Кое-где по равнинам стелился белый дымок, означавший, что там ещё не закончили выжигать сухую прошлогоднюю траву, и эти дымы так же, как в Румынии, незаметно сливались с полупрозрачной дымкой тумана, заволакивавшего даль. Селения с белыми домиками, прятавшиеся за кронами фруктовых деревьев, мохнатые палки тополей, торчавшие вдоль дороги, да и сама дорога, переходившая с холма на холм, – всё напоминало о родине. Даже встречные крестьяне, когда Влад проезжал мимо них, кланялись ему так же, как его подданные, хотя для местных жителей он не являлся властью.

«Скорей бы граница», – думал венценосный путешественник, но из-за огромного обоза, который вырос вдвое по сравнению с тем, что было до похода, румынское войско продвигалось крайне медленно. Ускориться было никак нельзя, поэтому князь, которому уже не терпелось оказаться дома, часто отделялся от армии и с небольшой свитой ездил по окрестностям близ

широкого торгового пути, по которому следовали остальные участники похода. Государь готов был ездить кругами, лишь бы куда-нибудь ехать – ехать, а не плестись!

В один из таких дней – кажется, в последнее воскресенье апреля – Влад опять без особой цели исследовал молдавскую глубинку, и вот тогда на малонаезженной двухколейной дороге, тянувшейся через широкое поле, он повстречал небольшую толпу нарядных селян, которые куда-то шли. Издалека Влад заметил только белую праздничную одежду, испещрённую замысловатой красной вышивкой, но, подъехав чуть ближе, обнаружил, что среди путников все молоды, причём большинство составляют девицы, которых сопровождали семь-восемь юношей, наверное, призванных оберегать нарядных подруг от всяких напастей.

Девицы и их охранители о чём-то весело болтали, но, увидев приближающихся всадников, облачённых в богатые кафтаны, отошли на обочину и поклонились. Румынский государь мог бы проехать мимо, но ему захотелось получше рассмотреть девушек. Ободряло и то, что многие из них были сами по себе. Среди этой ватаги явно угадывалось лишь две окончательно сложившиеся пары, а остальные только приглядывались друг к другу.

– Доброго вам дня, прохожие, – произнёс Влад, останавливая коня, а вслед за государем остановилась и вся его свита.

– И тебе доброго дня, господин, – ответил рослый молодец, очевидно, считавшийся старшим.

Девушки стояли, низко склонив головы, укрытые платками, так что лиц было никак не разглядеть, однако князь надеялся на какие-нибудь перемены, и начал тянуть время, спросив, куда же направляется весёлая компания. Оказалось, что девицы и молодцы идут на гулянья в соседнее село, что было вполне предсказуемо. Тогда Влад решил притвориться, что заблудился, и стал спрашивать, как выехать на большую дорогу.

Главный охранитель девушек и его товарищи начали терпеливо объяснять, а тем временем сами девушки всё больше показывали лица. Наверное, юным селянкам хотелось увидеть знатных конников, а с низко склонённой головой можно было рассмотреть разве что конские копыта.

Влад тоже поглядывал на нарядных селянок и отметил про себя, что далеко не все из них красивы: «У одной лицо круглое, как лепёшка. У другой подбородок тяжеловат, да и зубы нехороши. У третьей нос велик – вроде и прямой, но всё же тут явно не обошлось без примеси турецкой или татарской крови. У четвёртой лицо вроде бы и милое, но уж больно простое. Пятая неуловимо напоминает овцу. Шестая со своими густыми тёмными бровями выглядит угрюмой, даже когда не хочет этого». Зато остальные селянки, всего более десяти, своим видом очень порадовали государя. Были они разные – и темноволосые, и русые – но каждая имела свои привлекательные черты, и казалось, трудно выбрать среди них лучшую.

И всё же Влад, никоим образом не претендуя на истину, выделил среди этих красавиц одну, которая могла затмить прочих. Небольшого роста, совсем юная. Из неё ещё не до конца ушла отроческая угловатость, но именно из-за этого личико смотрелось точёным, а фигура выглядела хрупкой даже в кофте с широкими рукавами и в пышной юбке. Подол опускался только до середины икр и позволял увидеть ноги, обутые, конечно же, в опанки, но даже эта грубая деревенская обувь вкупе с обязательным толстым слоем обмотков не могла скрыть, до чего же маленькие у этой селянки ступни. Князь уж не знал, куда лучше смотреть – на них или всё же на точёный овал лица, на большие серые глаза и аккуратный рот с тонкой верхней губой и пухленькой нижней. Даже каплевидная форма носа, что обычно выглядит некрасиво, не портила впечатление.

Прячется ли под платком толстая коса, или всё же нет, румынский государь почти не задумывался – лишь видел, что волосы у селянки тёмные, а брови чёрные. И вот эти брови чуть дрогнули, в выражении глаз что-то поменялось, а затем селянка приветливо улыбнулась.

Наверное, она и сама до конца не сознавала, что делает, – просто увидела, что знатный всадник восхищённо на неё смотрит, и это ей польстило.

Из-за своего юного возраста она ещё не привыкла к такому вниманию, поэтому более взрослая подруга, стоявшая рядом, была начеку – тут же дёрнула за рукав, заставив красавицу, которой любовался Влад, вмиг смутиться и снова опустить голову.

Тем временем юноши, охранявшие девушек, успели обстоятельно объяснить князю, как выехать на большую дорогу, поэтому он, не находя больше поводов для задержки, медленно поехал дальше. «Даже не получилось узнать, как её зовут, – с некоторым разочарованием подумал венценосный путешественник, но в следующее мгновение спросил сам себя. – А почему я должен уехать? Я что, один из этих юнцов, которые только глядят на неё, а трогать не смеют? Или, может, Штефан обидится на меня, если я возьму из его земель кое-что, о чём мы не договаривались? Почему я должен упускать то, что могу получить? А что здешние жители обо мне подумают, мне дела нет. К тому же они не знают, кто я. Я ведь не назвался, когда спрашивал дорогу».

Влад сделал свите знак остановиться, развернул коня и снова направился к ватаге селян, которые уже собрались было идти дальше. Румынский государь больше не скрывал своих намерений. Он ещё раз взглянул на понравившуюся ему девицу, но на этот раз – совсем по-другому. Та сразу всё поняла и, сильно испугавшись, юркнула за спину одного из юношей-охранителей.

Князь подъехал почти вплотную, а охранитель, тоже прекрасно понимая, что случилось, притворился дурачком:

– Господин, ты хотел спросить ещё что-то?

– Нет, – жёстко ответил Влад, – я больше ничего не намерен спрашивать. А теперь отойди-ка в сторону, не загораживай от меня красоту.

– Какую красоту? – с напускным удивлением спросил парень.

Вдруг Влад громко и от души засмеялся, а охранитель, теперь уже вправду удивлённый, вынужден был обернуться и посмотреть, что же так насмешило собеседника. Оказалось, что девица, не став дожидаться окончания этого бессмысленного разговора, кинулась наутёк. Перепрыгнув придорожный овраг, она побежала прямо через пашню к ближайшему лесочку.

«Вот дурочка, – подумал румынский государь, которого всё больше увлекало происходящее. – Чего ж тогда улыбалась, если теперь решила бегать?» Съехав с дороги, он отправился в погоню, но, желая поберечь ноги коня, объезжал пашню вдоль края по твёрдой земле. Селянка же бежала напрямик, топчя молодые всходы и часто увязая в бороздах. В лесу она оказалась раньше, но надёжное укрытие найти не смогла.

Влад без труда увидел по следам на пашне, где именно беглянка вошла в лес, а затем заметил, что вблизи от этого места заросли кустов потревожены, как будто их кто-то раздвинул, а затем они снова сомкнулись, но всё же не смогли принять прежнего положения. Сойдя с коня, охотник присел на корточки и пригляделся снова. Пусть кусты росли густо, но листья на ветках распустились ещё не до конца, поэтому среди зелени белая одежда с красной вышивкой оказалась видна.

Наверное, девица тоже увидела сквозь кусты, что её обнаружили. Она поползла в глубь своего убежища, но тут же остановилась, потому что шуршащие ветки, и к тому же ещё заколыхавшиеся, выдавали её присутствие слишком явно.

Чтобы не тратить время понапрасну, князь взял коня за повод и пошёл в заросли напролом. Конь следовал за хозяином очень неохотно, поэтому, как только Влад отпустил повод, животное повернуло обратно, производя страшный шум и треск. Именно такой шум и требовался для поимки девицы! Услышав его, селянка позабыла об осторожности и быстро поползла к противоположному краю зарослей, а там уже поджидал Влад, обежав вокруг кустов, чтобы схватить девицу как раз тогда, когда та выберется.

– Набегалась? – весело спросил государь, прижав к себе добычу левой рукой, а правой отбиваясь от кулачков, норовивших стукнуть его то по макушке, то по лбу, то по плечу.

– Пусти меня! – крикнула девица, продолжая воевать, хотя это не приносило пользы. – Я на тебя управу найду! Я стыда не побоюсь! Я жаловаться на тебя стану!

– А кому ты станешь жаловаться? – ещё больше развеселился Влад.

– Мой отец – деревенский староста. Он знает кому! – последовал ответ. – А если надо, я до самого митрополита дойду. Он у народа заступник перед разбойниками вроде тебя!

– Ишь, умная! Знает, кому жаловаться, – слово «умная» князь произнёс почти без иронии. – А жаловаться станешь на кого?

Девица перестала вырываться и махать кулаками, призадумалась:

– Ты говорил, что недалеко отсюда по дороге движется твоё войско.

– Да...

– Значит, ты предводитель войска?

– Да...

– Значит, я буду жаловаться на Штефана, Богданова сына, – вдруг произнесла девица. – Я знаю, что перед самой Пасхой он пришёл к нам с войском и был помазан на трон. Значит, ты и есть Штефан. Стану на тебя жаловаться митрополиту! И не посмотрю, что ты государь! Государь высоко, а Бог ещё выше!

Услышав о Штефана, Влад так захохотал, что чуть не упустил свою добычу. Стоило румынскому князю представить, как нарочито праведный друг охотится за девицами, так сразу одолевал смех.

– А вот на Штефана жаловаться не надо, красавица! – наконец выговорил Влад. – А то он на меня обидится. Решит, что я нарочно назвался его именем. Скажет: «Из-за тебя, самоуправца, обо мне дурная молва».

– Так ты – не он? – удивилась девица.

– Нет. – Князь постарался придать лицу серьёзное выражение, чтобы отрицание не было принято за шутку.

Девица снова призадумалась, но тут же нашлась:

– Значит, ты один из Штефановых бояр.

Пожалуй, впервые за всю жизнь Влада поставили так низко:

– Один из бояр? – переспросил он и, уже окончательно сделавшись серьёзным, добавил. – Нет, я не боярин.

– Врёшь ты всё! Ты один из Штефановых бояр! – красавица снова принялась драться.

– Да нет же!

– Тогда говори, кто ты есть!

– Эй! Эй! Эй! – наконец, остановил её Влад. – Ишь, разошлась! Уже приказы раздаёт! Выбери-ка вот лучше, как на коне поедешь – на холке или поперёк холки.

Девица сразу сникла и пробубнила:

– Поперёк холки не поеду.

Силы на махание кулаками у неё кончились, поэтому, когда румынский государь снова выехал на дорогу, где оставил свою свиту, девица покорно сидела впереди седла, как посадили, – свесив обе ноги слева.

Многие из бояр, бывших в свите, ухмылялись, а вот о том, что чувствовала ещё недавно весёлая ватага селян, которых князь тоже оставил на дороге, можно было только гадать, поскольку ватага куда-то делась.

– А где же они? – спросил Влад.

– Ушли, господин, – ответил боярин Молдовен. – Решили не дожидаться, пока мы все тоже захотим последовать твоему примеру. Они стояли и смотрели тебе вслед, а когда ты заехал в лес, скоренько пошли дальше по дороге, после чего скрылись вон за тем поворотом.

При слове «господин» селянка на коне у Влада шевельнулась, ведь такое обращение было в определённых случаях применимо и к государю. Она уже не знала, что думать.

– Молдовен, скажи ей, кто я, – попросил Влад. – Мне-то она не верит. Грозится, что будет молдавскому митрополиту жаловаться на Штефана.

– Он не Штефан, – подтвердил боярин. – Это Влад, сын Влада, господин Румынской земли. Мы сюда вместе со Штефаном пришли, а теперь домой возвращаемся.

– Слышишь, красавица? – ухмыльнулся князь. – Плохи твои дела. Молдавский митрополит Феоктист, которому ты хотела жаловаться, мне не указ.

Кажется, после таких слов девице захотелось спрыгнуть с коня и снова броситься бежать. Возможно, это было от страха, ведь она поняла, что заступиться за неё совсем некому. А возможно, причиной стало крайнее замешательство, ведь простым крестьянкам положено находиться от правителей в отдалении и низко кланяться, а не сидеть рядом с ними на коне. Наверняка, девицу смущала и свита Влада, ведь большинство бояр там были его ровесниками, то есть людьми молодыми, и эти молодцы разглядывали добычу господина самым бессовестным образом.

Чтобы хоть как-то спрятаться от наглых взглядов, юная селянка уткнулась князю в кафтан и прикрыла лицо правой рукой. В новом побеге не было никакого смысла – всё равно догонят. К тому же девица заметила, что князь никуда не едет и о чём-то задумался. Она напряжённо ждала, что случится дальше, а Влад меж тем обдумывал недавние слова Молдовена насчёт следования примеру.

Румынский государь вовсе не хотел, чтобы его люди тоже устроили охоту на местных крестьянок, поэтому переменял своё первоначальное намерение. Ещё несколько минут назад он собирался просто отвезти пойманную девицу к себе в лагерь, но теперь приготовился ехать совсем в другую сторону:

– А ты правду сказала, что твой отец – деревенский староста? – спросил Влад.

– Да, – всхлипнула пойманная. – Моего отца зовут Исак. Его все в округе знают и уважают.

– А как зовут тебя? Теперь ты знаешь, как зовут меня, поэтому скажи мне своё имя.

– Луминица.

– Ну, тогда, Луминица, показывай, как ехать к дому твоего отца.

– Туда, – старостова дочь на мгновение отняла руку от лица и ткнула пальчиком в направлении, откуда ещё недавно шла вместе с подругами и охранителями.

По пути Влад обдумывал, что скажет Исаку, поэтому задавал Луминице вопросы:

– Большая у тебя семья? Сколько человек?

– Семь. Отец, мать, брат, две мои старшие сестры, жена брата и я.

– А твои сёстры не замужем?

– Нет.

– А! Так они наверняка шли с тобой по дороге?

– Да.

– Ха! Получается, что я мог заметить их, но не заметил... Я заметил тебя.

Луминица ничего на это не сказала. Она отвечала только по необходимости – например, когда Влад на очередном перекрёстке спрашивал:

– Теперь куда?

Девица стыдилась даже возвращения в родную деревню, понимая, как будет там встречена, и, разумеется, эти предчувствия оправдались, потому что все жители от мала до велика высыпали из домов на улицу, указывая на всадников и, в особенности, на того, кто вёз старостову дочь. Слышались приглушённые смешки, а иногда кто-нибудь в толпе ехидно кричал: «Да уж!» Мальчишки пронзительно свистели, но смолкли, когда всадники им пригрозили, потому что громкий свист беспокоил лошадей.

Свита Влада остановилась перед домом старосты, и лишь сам Влад, по-прежнему везший Луминицу, и боярин Молдовен въехали во двор через приоткрытые ворота, после чего старостова дочь, которую никто больше не удерживал, спрыгнула на землю и с плачем бросилась к матери, стоявшей на крыльце дома вместе с остальной семьёй. Не подлежало сомнению, что русский бородач на крыльце был глава семейства, безбородый юноша рядом – сын, а некая молодая женщина, выглядывавшая из дверей – жена сына.

Румынский государь не стал вылезать из седла, но в остальном повёл себя вежливо:

– Доброго дня хозяину дома, – произнёс он, обращаясь к бородавтому селянину. – Дай Бог тебе и твоим родичам всех благ на этом свете. Значит, ты и есть здешний староста, которого зовут Исак?

– Добрый день, господин, – с поклоном ответил селянин. – Если ты искал Исака, то это я. А ты кто будешь?

– Влад, сын Влада, в здешних землях гость заезжий, следуя к себе в отчину и дедину.

– Что же привело тебя ко мне, господин Влад?

– Да вот, увидел по дороге твою дочь, приглянулась она мне. Потому и приехал. – Видя на лице старосты непонимание, гость продолжал: – Я знаю, Исак, что у тебя три дочери на выданье. Это большие расходы отцу, ведь для каждой нужно хорошее приданое. Я помогу тебе в твоей беде – заберу младшую дочь без приданого. За неё не бойся, она станет жить в богатстве, окруженная почтительными слугами. Мало того – это принесёт пользу всей вашей общине. Я вижу, ваш храм уже обрастает мхом, а ведь постройка эта деревянная. Значит, с подновлением медлить нельзя. Вот почему, если мы с тобой договоримся, я сделаю пожертвование вашему приходу, достаточное, чтобы вы могли построить новый храм. Ну? Что скажешь?

Деревенские жители меж тем облепили забор старостиного дома с трёх сторон. Любопытные стояли вдоль плетня так плотно и вытягивали шеи вперёд так сильно, что Исак, наконец, забеспокоился, как бы ограда случайно не оказалась снесена. В то же время он задумался о судьбе Луминицы. Староста, судя по всему, посчитал речь пришлого господина уважительной и был согласен с тем, что младшую дочку надо пристроить, да и храм давно пора обновить. Но, с другой стороны, Исак понимал, что в уважительной речи не было ни слова о свадьбе.

«Оно и понятно, – наверное, рассуждал староста, – разве высокородный человек возьмет в жены простолюдинку! И всё же приехал просить согласия отца на сожительство с ней. Конечно, можно отказать. Но что хорошего из этого выйдет? Вдруг господин осерчает? Он же пришлый – здешнего суда не боится. А даже если и не осерчает, всё равно плохо. Дочь же с ним на коне приехала, глаза прячет. Кто знает, что было? А даже если и не было ничего, пойдут разговоры, и сколько ни проси знающую бабку подтвердить, что дочка цела, кто в это поверит! Трудно выдать такую невесту замуж».

И всё же решения насчёт дочерей даются отцам нелегко, поэтому Исак начал было увиливать:

– Господин, мне лестно услышать, что ты оцениваешь мою Луминицу так дорого, но твоё предложение надо хорошенько обдумать. Я не могу ответить сразу, ведь речь о моей дочери, а не о покупке волов. Позволь, я повременю недельку, а там...

– Нет, отвечай сейчас, – настаивал Влад. – Я иду в свою землю не один, а с войском, поэтому не могу задержаться даже на день.

Как видно, слово «войско» и помогло Исаку решиться окончательно. Он не хотел, чтобы даже часть упомянутой князем рати явилась в деревню, пусть даже с мирными намерениями. Когда приходит такая орава, то неизбежно наступает разорение. Жителям вполне хватало и того переполоха, который получился из-за появления одного отряда конников!

Староста помялся ещё немного для вида, глянул на небо, на жену, до крайности возмущённую, на сына, который еле заметно кивал, на любопытствующих соседей, на дочку и, наконец, на гостя.

– Что ж, видно, такая у моей Луминицы судьба, – со вздохом произнёс Исак. – Ничего не поделаешь. Забирай мою младшую, господин, и пусть она искупит свои грехи большим благодеянием.

– Тогда слушай, как сделаем дальше, – произнёс довольный Влад. – Сегодня вечером приедут мои люди, привезут то, что обещал я, и заберут то, что обещал ты. Собери свою дочь в дальний путь. Я позабочусь о том, на чём ей ехать, дам повозку и лошадей, а ты позаботься о том, чтоб у дочери были все вещи, которые могут понадобиться в дороге. И не скупись. Разве новый храм не ценится во много раз дороже?

Вечером сделка была окончательно совершена, и Влад уже не страдал от праздности, пока его войско двигалось по дорогам в Румынию. Теперь он был даже рад, что бремя государственных дел свалится ему на плечи лишь по прибытии в Тырговиште, а пока основная часть забот касалась Луминицы.

Князь сам выбрал девице крытую повозку попросторнее и велел, чтобы на дно постелили ковёр. Повозка стала почти домом на колёсах, ведь туда же поместили большой соломенный тюфяк, подушки и шерстяное одеяло, чтобы красавица могла оставаться в своём походном доме даже по ночам, которые пока ещё были по-весеннему холодными.

Не менее внимательно правитель выбирал, что девица будет есть. На походе питались дважды в день – утром и вечером – и теперь всякая трапеза сопровождалась у Влада приятным ритуалом. Ритуал состоял в том, чтобы взять с традиционно изобильного княжеского стола часть хлеба, мяса, сыра и прочего, что может понравиться девице, собственноручно положить в корзину и велеть слуге отнести, а через полчаса выпрашивать этого слугу:

– Ну? К чему она притронулась прежде всего? А было ли такое, чего она есть не стала?

После утренней трапезы войско продолжало путь, а Влад, сидя на коне, подъезжал к движущейся повозке, из которой выглядывала Луминица, и прямо из седла заводил непринуждённый разговор. Так продолжалось три дня, а затем князь напросился «в гости» и с этого времени часто бывал «в доме», болтая с «хозяйской». Она угощала гостя той едой, которую он сам же ей присылал, а конь, привязанный за повод «у двери», то есть к задку повозки, шёл по дороге без седока.

Девицу не смущало то, что слушателями её бесед с Владом становились и возница, и обозные слуги, которые шли рядом, а вот если гость приходил поздним вечером, когда лагерь затихал и вокруг виднелись только спины людей, лежавших возле тлеющих костров, красавице становилось не по себе. Она опускала глаза, вся съеживалась и в ответ даже на самый простой вопрос лепетала что-то малопонятное.

Наконец, Владу это надоело. В один из вечеров он пришёл без приглашения и совсем уж поздно, когда девица улеглась спать. Услышав шорох отодвигаемого полотняного задника, заменявшего в этом «доме» дверь, Луминица, одетая лишь в ночную сорочку, испуганно вскочила и хотела уже вскрикнуть, но тут увидела, что пожаловал не незнакомец, а частый гость, который для чего-то принёс с собой зажжённый масляный светильник.

Влад забрался в повозку, поплотнее прикрыл за собой «дверь», уселся на ковёр и, сняв кафтан, непринуждённо пояснил:

– Твой отец отдал мне тебя больше недели назад, а я даже без платка тебя не видел. Позволь, хоть посмотрю... Вот, значит, как ты выглядишь...

Девица продолжала сидеть в кровати, косясь на князя, а тот сидел рядом с ней на ковре и при свете светильника рассматривал её косу, спускавшуюся до середины спины и перевязанную красной шёлковой лентой.

Через некоторое время Влад медленно протянул руку, тем самым заставив Луминицу обеспокоено спросить:

– Что?

– Хочу развязать эту ленту, – ответил князь. – У тебя, должно быть, красивые волосы.

Девушка схватила за косу и перекинула её вперёд:

– Я сама развяжу.

Влад лишь пожал плечами, а Луминица сделала то, что обещала, и теперь комкала ленту в кулаке.

– Распусти волосы, – попросил румынский государь и снова протянул руку, чтобы помочь расплести косу, но девушка скривилась, начала отстраняться. – Что ты? – удивился Влад. – Опять сама? Ну ладно.

Старостова дочь нехотя распустила косу, расправила волосы так, чтобы они лежали и на плечах, и на спине, после чего несколько минут сидела неподвижно. Влад выжидающе смотрел и, наконец, произнёс, стараясь, чтобы это прозвучало мягко:

– Что ты всё сидишь? Приляг.

Луминица положила голову обратно на подушки, но выражение лица у старостовой дочери было таким, как будто её хоронят заживо и как раз сейчас повелели лечь в гроб.

Влад пересел поближе, положил ладонь туда, где ткань девичьей сорочки, присборенная на плече, начинала плавно расправляться, провёл рукой вниз, но ему показалось, что под его ладонью не живое тело, а бревно, обёрнутое в ткань. Луминица вся как-то вытянулась, тем самым даже внешне уподобившись бревну. Лицо её оставалось отрешённым, как у покойницы, а из уголков глаз время от времени вытекали слёзы и, оставляя чуть поблёскивающие бороздки на щеках, терялись где-то среди распущенных прядей, обрамлявших лицо, совсем бледное.

– Да что ты, в самом деле! – укоризненно произнёс Влад. – Чего ты так боишься?

Он убрал руку и подождал ещё несколько минут, но ничего не изменилось. Вдруг его взгляд упал на крепко сжатый кулачок, в котором Луминица по-прежнему прятала ленту.

Князь легонько прикоснулся к этому кулачку указательным пальцем и шутливо произнёс, чтобы хоть что-нибудь сказать и нарушить тягостную тишину:

– Что ты там так бережёшь? Дай-ка.

Девушка даже не посмотрела в сторону говорившего и не шелохнулась.

Владом овладела досада. «Неужели я настолько промахнулся с выбором?» – подумал он. Совсем не такого поведения князь ожидал от девушки, которая смело отбивалась от него в лесу и говорила дерзкие слова. Однако винить в неверном выборе следовало себя, а не старостову дочь, поэтому Влад молча нашарил в углу повозки свой кафтан, резко поднялся на ноги, добрался до «двери», выпрыгнул на землю и, на ходу одеваясь, направился в свой шатёр. Нежеланный гость даже ни разу не оглянулся, чтобы посмотреть, как Луминица приняла его уход.

На следующее утро Влад, по обыкновению, одел её едой со своего стола, положил снесь в корзину и велел слуге отнести, однако этот ритуал уже не доставлял князю никакого удовольствия и совершился лишь потому, что нельзя же было оставлять девушку голодной.

Во время дневного перехода войск румынский государь поймал себя на том, что старается быть подальше от того места, где находится повозка, а вечером, снова выбирая для старостовой дочери угощение, Влад уже всерьёз раздумывал, не поручить ли в следующий раз этот выбор слуге.

Слуга, не замечая перемен в настроении господина, привычно взял корзину и ушёл, но почти сразу вернулся и в нерешительности остановился возле стола, за которым князь ел в полном одиночестве. Влад чувствовал злость неизвестно на кого и потому предпочёл отослать от себя бояр, чтобы ненароком не сорваться.

– Что? – недовольно спросил правитель, отпивая из кубка.

– Господин, она попросила передать тебе... вот. – Слуга чуть наклонился, протягивая Владу что-то на ладони, и князь вдруг увидел ту самую ленту красного шёлка, которую Луминица так берегла вчера, не позволяя ночному гостю прикоснуться к этой вещи.

Злость тут же улетучилась. Влад взял ленту и, с трудом сдерживая счастливую улыбку, поспешно направился к девушке, хоть в лагере ещё никто не лёг спать. Люди сидели у костров,

разговаривали, смеялись, пели песни, и князю даже показалось, что в эту минуту во всём мире не найдётся ни одного человека, который бы горевал.

Полотняный задник у повозки был плотно закрыт совсем как вчера. Приподняв край, Влад быстро пробрался внутрь и увидел, что Луминица сидит на своей постели, как вчера. Из одежды только сорочка – тоже, как вчера – и коса расплетена.

При появлении гостя девица сперва растерялась, но затем увидела, что Влад насторожился, готовый принять её растерянность за продолжение вчерашних страхов. Тогда на лице Луминицы появилась решимость. Девица взялась руками за края своей сорочки и с усилием стащила её через голову, как стаскивают кольчужный доспех, будто рубашка и впрямь была доспехом, защищавшим от чего-то. Перед врагом так себя не ведут. Только перед человеком, которому можно доверить свою жизнь и судьбу.

Влад не помнил, как преодолел то расстояние, которое ещё оставалось до Луминицы. Прижал её к себе, поцеловал. Она робко обняла его за шею.

Старостова дочь была ещё очень юна и потому не догадывалась, что женщины кажутся прекраснее, когда молчат... ну, или в редком случае они могут стать красивее, когда поют, но сейчас девицу украсило бы молчание. Луминица этого не знала и потому спросила:

– Ты меня любишь?

– Конечно, люблю, – ответил гость, стараясь, чтобы в его словах вдруг не послышалась небрежность. – Стал бы я иначе выкупать тебя у твоего отца?

В следующую минуту никаких разговоров не происходило, но затем Влад почувствовал, что Луминица напряжённо ждёт от него вопроса, который, по сути, глупый, ведь ответ и так ясен.

– А ты меня любишь? – наконец произнёс князь.

– Да, – радостно ответила девица, а Влад тем временем уже успел подумать, что глупость юного возраста по-своему прекрасна и если уж задавать друг другу глупейшие вопросы, то задавать все.

– А почему ты меня любишь? – начал выпытывать князь.

Старостова дочь отнеслась к этому очень серьёзно и зашептала:

– Я начала тебя немножечко любить после того, как ты отвёз меня к моему отцу. Я поняла, что ты – человек честный, но мне всё равно было страшно, потому что даже честные люди бывают жестокими. А вчера, когда ты ушёл, я полюбила тебя по-настоящему, потому я поняла, что ты – человек добрый.

Услышав это, Влад не смог удержаться от ехидного замечания:

– Честный? Добрый? Честных и добрых людей на свете много. Эдак ты сможешь полюбить каждого второго.

– Нет, – горячо возразила Луминица, помотав головой. – Другие люди честны из-за страха перед законом, а добры из-за страха перед Богом. Они думают, что если не будут честными и добрыми, то их накажут, а ты не такой. Ты честный и добрый не потому, что боишься чужого суда или наказания от Бога, а потому, что так велит тебе твоё сердце.

Слова старостовой дочери стали для Влада неожиданными, хотя, конечно, Луминица не говорила ни о чём таком, чего он сам в себе не подозревал.

Ещё с тех времён, когда Влад решил отомстить за своих убитых родичей, отца и брата, он действительно перестал бояться человеческого суда и даже Бога. Да, девица угадала. Восстанавливать справедливость везде, где только возможно, – в этом теперь была Влдова цель, а чтобы поступать по справедливости, нужно быть честным. Здесь старостова дочь тоже оказалась права. Ну и к тому же ради восстановления справедливости Владу приходилось думать о других людях больше, чем о собственном интересе. Многие почему-то называли это добротой. Так назвала и Луминица.

Однако князя удивило, что юная несмышлёная девушка, с которой он повстречался чуть больше недели назад и которой не успел толком рассказать о себе, смогла угадать всё это и выразила так близко к истине – нашла простые, но в то же время верные слова. «Неужели, – подумал румынский государь, – я негаданно нашёл женщину, которую очень долго искал? Женщину, которая полюбит меня самого. Именно меня! То есть поймёт, что во мне скрыто, самую мою суть и именно потому полюбит».

Этих мыслей он не высказал, но Луминица, казалось, отвечала «да, да» и смотрела ему в глаза, будто видела там целый мир – новый, но уже не страшный.

Этот её особенный взгляд запомнился Владу и даже через много лет не истёрся из памяти. Много чего случилось с тех пор, как состоялся поход в Молдавию. Много чего изменилось и, главное, столько лет было потеряно в Соломоновой башне. Почти четверть жизни прошла здесь, поэтому воспоминания о далёких днях вызывали у узника тоскливое чувство, но в то же время грели душу, ведь всегда хорошо, когда у тебя есть что вспомнить.

«Где же ты теперь, любимая? – думал узник. – Где?»

Часть III

Минувшим вечером улицы Вышеграда казались молодому флорентийцу лабиринтом, но сейчас, при свете солнца, всё изменилось, ведь почти отовсюду над крышами домов можно было увидеть верхушку огромной горы, заросшей лесом, которую увенчивала каменная корона цитадели. Этот ориентир не давал сбиться с пути, поэтому Джулиано, покинув наконец гостиницу, уверенно двинулся вниз по улице.

На перекрёстке юноша свернул направо на большую и широкую дорогу, прорезавшую весь Вышеград вдоль, и по ней дошёл до королевского дворца, скрывавшегося за глухой каменной стеной. Возле дворцовых ворот утопанный тракт превращался в булыжную мостовую и далее тянулся через город уже в таком виде, однако чудесное превращение, случившееся именно рядом с дворцом, не могло оказаться случайностью. «Камни тут клались явно не для удобства простых вышеградцев, – решил Джулиано. – Наверное, этот путь ведёт в крепость».

Вот почему через некоторое время, когда мостовая сузилась и стала клониться вправо, а из-под неё снова вылез широкий утопанный тракт, ведущий прямо, флорентиец, не задумываясь, продолжил путь по мостовой.

Идти стало труднее, как при подъёме в гору, но усилий требовалось приложить совсем не много, так что старик-живописец, о котором ученик не мог не думать, разведывая подступы к Соломоновой башне, вряд ли стал бы жаловаться, что старые ноги не смогут ежедневно одолевать эту горку.

Теперь Джулиано шёл по тихой тенистой улице. По сторонам виднелись белые домики, спрятавшиеся за изгородями, увитыми диким виноградом, пока ещё безлистным, а на мощёной дороге меж камней пробивалась зелёная травка. Просто не верилось, что рядом с большой и мощной крепостью может царить такое умиротворение, и всё же здесь было очень тихо и спокойно.

Крепостная гора теперь высилась совсем рядом. На склоне виднелись каменные укрепления, наверное, нужные, чтобы в случае осады обстреливать с них дорогу, по которой сейчас шёл Джулиано, но обстрел вряд ли оказался бы успешным, потому что вокруг укреплений очень густо росли молодые дубы. Почки на дубах ещё не лопнули, а вот окажись на ветвях зелень, укрепления полностью скрылись бы за ней. «Странно», – подумал молодой флорентиец, который плохо разбирался в военном деле, но даже он догадался, что деревьям тут не место.

Крепость имела странный вид ещё и потому, что в оборонительной стене возле ворот обнаружились входы в винные погреба. Возлияния не способствуют успеху в битвах, а в стене имелось целых три двери, и над каждой висела завлекающая табличка с рисунком. На одной табличке виднелась виноградная лоза, переплетённая с какими-то травами. На другой – бочонок, верхом на котором восседала весёлая женщина с кубком в руке. На третьей – виноградная гроздь, озаряемая солнцем и поддерживаемая чьей-то рукой: виноградаря или самого Бога.

Рисунки выглядели неумелыми, поэтому Джулиано, как ученик живописца, с сожалением цокнул языком. Юный флорентиец нарисовал бы лучше, и ему даже пришло в голову, что можно зайти в одну из дверей, гостеприимно приоткрытых для покупателей, и, заведя разговор с хозяевами погреба, невзначай предложить свои услуги. Правда, юноша тут же вспомнил, что должен в первую очередь договариваться не о своих делах, а о делах учителя, нанятого рисовать узника Соломоновой башни, так что пришлось идти дальше, взирая на чужие художества и рассуждая, как же в этом месте случилось оказаться погребам.

Горный склон здесь возвышался почти отвесно, и оборонительная стена не столько ограживала, сколько подпирала его. Рыть тоннели в таком месте удобно, но это всё равно казалось верхом безрассудства. «Враг сможет заложить в погреба бочки с порохом и взорвать стену, –

думал Джулиано. – Если я это понимаю, то и комендант, конечно же, понимает, однако ведёт себя беспечно, разрешая устраивать то, чего нельзя».

Беспечными казались и два латника, несшие охрану по ту сторону ворот крепости. Деревянная решётка, призванная защищать вход, была опущена, но сами латники, вместо того чтобы стоять за ней с копьями наготове, сидели в стороне и разговаривали. Когда Джулиано приблизился, эти двое поспешно вскочили, но не стали отгонять незваного гостя, а спросили, что ему нужно. Флорентиец ответил, после чего охранники приподняли решётку и любезно объяснили, где искать коменданта:

– Наш кастелян, – так официально именовалась его должность, – должен быть наверху, в цитадели. Но ты и здесь спроси. Он сюда временами спускается.

Продолжая удивляться всеобщему легкомыслию, Джулиано направился ко вторым воротам, которые, как ему виделось, вели в небольшой дворик, огороженный так, что получилась почти самостоятельная крепость внутри той, куда только что удалось проникнуть.

Центром внутренней крепости являлась огромная шестиугольная башня, которая была настолько велика, что по сравнению с ней остальные башни казались мелкими, а оборонительные стены – тоненькими. Однако это мощное сооружение служило не для военных целей. Флорентиец сразу обратил внимание на красивые окна арочной формы, да ещё с витражами, делавшими башню похожей на дворец.

Залюбовавшись ими, Джулиано не сразу расслышал грубые окрики:

– Эй! Ты кто такой? Чужим сюда нельзя.

– Добрый день, – спохватившись, произнёс юноша, и теперь увидел, что за опущенной решёткой, преграждавшей вход во внутреннюю маленькую крепость, стоят даже не двое, а четверо латников с копьями и щитами, причём вид у этих людей был весьма грозный.

– Ты кто такой? – снова спросил один из латников, самый старший, с красным обветренным лицом и рыжеватыми усами. Щетина на щеках подёрнулась сединой, и именно это говорило о возрасте. «Хорошая деталь, – отметил про себя Джулиано. – Надо её использовать в одной из будущих картин». Однако обдумать это не получилось, потому что надо было отвечать.

– Я – ученик придворного живописца Его Величества. Прибыл сюда передать письменный королевский приказ о том, что ваш кастелян должен оказывать содействие...

Речь флорентийца не произвела на латников никакого впечатления. Они даже не дослушали.

– Нам про приказ ничего не известно.

– Конечно, вам неизвестно, ведь я прибыл только что, – юноша вежливо улыбнулся. – Скажите мне, здесь ли кастелян?

– Где он сейчас, это его дело, а мы поставлены охранять, а не болтать, – сказал старший латник. – Иди в крепость, как все ходят, через верхние ворота. А здесь тебе делать нечего.

– Верхние ворота? – с беспокойством спросил Джулиано. – То есть мне нужно подняться на гору?

Он повернулся вправо и задрал голову, глядя на крутой склон, поросший деревьями. Вершину горы отсюда было даже не видно. Конечно, речь шла не о том, чтобы карабкаться по склону, а о том, чтобы идти вверх по дороге, но эта дорога наверняка находилась далеко. Столько времени терять!

– А может быть, кто-нибудь из вас разыщет кастеляна и сообщит ему обо мне? А я подожду здесь... – осторожно предложил ученик придворного живописца, на что последовал неумолимый ответ:

– Мы – караульные, а не посыльные. Отлучаться с места караула не можем. Иди наверх. «Значит, охрана здесь всё же бдительная», – с досадой подумал флорентиец.

Хорошо, что латники у первых ворот оставались по-прежнему приветливыми и рассказали, что наверх, к цитадели, уже давно протоптана довольно короткая тропа.

– И часа не пройдёт, как наверху окажешься, – ободрили они своего нового знакомого, выпуская его из крепости.

Впрочем, до тропы надо было ещё добраться, и ученику живописца пришлось пройти в обратном направлении почти весь путь – мимо изгородей, увитых диким виноградом, затем мимо дворца, затем ещё немного по дороге и повернуть налево, но не на ту улицу, на которой стоял трактир, а чуть раньше. «Хоть в чём-то повезло, – мысленно усмехнулся Джулиано, – а то повстречал бы дочку трактирщика и пришлось бы признаться, что меня выставили из крепости, несмотря на грамоту». Он даже начал беспокоиться, сможет ли попасть в Соломонову башню хоть раз, ведь в королевском приказе говорилось только про придворного живописца, а про ученика – ни слова.

Между тем, соседняя с трактиром улочка превратилась в лестницу, сложенную из камней, а затем вывела на тропинку, скрывавшуюся меж деревьев. Тропка тянулась по горному склону, так что человек, идущий по ней в сторону крепости, видел справа от себя кручу, а слева – откос. И то, и другое покрывали непроходимые заросли. Лишь иногда, глядя с откоса в маленький просвет меж деревьями, можно было увидеть внизу кусочек города, прижатого к Дунаю.

Заметив просвет, юный флорентиец каждый раз останавливался, чтобы отдохнуть, и долго смотрел на реку и на синие горы на другом берегу. Предстать перед комендантом, будучи взмокшим и запыхавшимся, не хотелось, а тропинка постепенно становилась всё менее удобной, поэтому приходилось отдыхать часто, дабы сохранить свежий вид. «Лучше б Его Величество держал этого Дракулу не здесь, – с досадой думал Джулиано. – Всё-таки Дракула ему кузен, а для кузена можно было найти место поближе к столице, не в такой глуши. Тогда и мне с учителем не пришлось бы сюда тащиться».

Наконец, тропа вывела на большую поляну с дорогой. Конец дороги терялся в тёмном зеве крепостных ворот, а над ними вздымались стены и башни цитадели, которая, как теперь оказалось, была весьма похожа на корону не только издалека, но и вблизи.

Вопреки опасениям флорентийца, два латника, несшие караул у ворот, не проявили строгости и спокойно спросили:

– Ты к кому?

– К кастеляну. У меня бумага, – поспешно ответил Джулиано, а латники без дальнейших расспросов указали в проход:

– Иди прямо, а там встретят.

Юноша двинулся, куда указали, хотя, будь его воля, он бы немного задержался, чтобы получше рассмотреть небольшой герб, висевший над самыми воротами, – заостренный книзу каменный щит-барельеф с изображением ворона.

Ворон сидел на толстой ветке, ведь не всякая ветка выдержит такую большую птицу, и с ехидством показывал людям свою добычу – драгоценный перстень, зажатый в клюве. Крылья, хоть и сложенные, оставались напряженными, готовыми в любой момент расправиться и поднять ворона в небо на недосягаемую для камней, палок и стрел высоту.

Конечно, не было ничего удивительного в том, что над воротами королевской крепости красовался фамильный герб нынешнего короля. Множество таких каменных воронов флорентиец видел и в венгерской столице. Все они выглядели по-разному, ведь их делали разные мастера, и потому Джулиано уже не первый год мысленно коллекционировал эти изображения. Нынешний ворон обещал стать одной из жемчужин коллекции, так что юноша не раз вспоминал этот барельеф, пока шёл по дороге вдоль стены цитадели – прямо, как указали.

Затем пришлось отвлечься, потому что на пути встретились ещё латники, которые стояли у подножия широкой каменной лестницы, ведущей к двери в башню. При слове «королев-

ский приказ» один из латников всё-таки оставил свой пост и поднялся по ступенькам вместе с Джулиано. В башне и обнаружился кастелян, оказавшийся грузным лысеющим мужчиной лет под сорок, с лихо закрученными тёмными усами.

Когда флорентиец учтиво поклонился и вручил королевскую бумагу, усач, почти не слушая пояснений, развернул свиток, прочитал, затем достал из сундука какой-то другой документ, сравнил печати и только после этого сделался любезным – улыбнулся, широким шагом подошёл к юноше, хлопнул своего гостя ручищей по спине и проговорил:

– Ладно уж, давай без церемоний.

Кастелян ни секунды не сидел на месте. Попросив ещё раз пояснить, в чём должно заключаться упомянутое в бумаге «содействие», он выслушивал ответ уже на ходу.

Деятельный комендант проверял, хорошо ли начищены панцири, шлемы и сапоги у его солдат, в должном ли состоянии оружие, убраны ли казарменные помещения, правильно ли варится похлёбка на кухне. Судя по всему, обходы-проверки совершались часто, но что заставляло коменданта так рьяно поддерживать порядок, флорентиец не знал. Возможно, причина состояла в том, что усач любил острословить, а постоянные проверки давали ему много поводов для шутливых замечаний:

– Ты почему караул несешь не в шлеме? – обратился он к одному из латников. – Что? Жарко? В бою тоже жарко, братец, так что терпи и не вздумай увиливать, потому что если я вдруг увижу, что загар на твоей мордашке не по форме шлема, тебе несдобровать.

Джулиано мог поклясться, что уже где-то слышал эту шутку. «Наверное, шуточки у вояк везде одинаковые, – подумал он, – как и привычка поддерживать широким ремнём выпирающий живот».

Комендант подпоясывался туго, очевидно полагая, что эта небольшая хитрость и впрямь помогает казаться стройнее. Честно говоря, не помогала, но, несмотря на свою грузность, он оставался удивительно подвижным. Юный флорентиец, привыкший считать себя проворным, еле поспевал за этим человеком.

– Значит, в башню приходить будешь ты и старик? – меж тем допытывался кастелян.

– Да.

– А рисовать будете долго?

– Около месяца, – ответил Джулиано, хотя в зависимости от настроения учителя этот срок мог растянуться вдвое.

– Приходить станете каждый день?

– Да, наверное.

– И в которое время?

– Часов в десять. А к полудню уже будем заканчивать.

– Всего-то по два часа в день, – подсчитал комендант. – А не мало?

– Если человек не умеет позировать, то редко выдерживает дольше часа подряд, – пожал плечами флорентиец.

– Ну, тут особый случай, – возразил собеседник. – Это ж невольный человек! Сидит взаперти, заняться ему нечем. Пускай уж лучше сидит и позирует, чем воронов ощипывать.

– Воронов ощипывать? – удивлённо переспросил Джулиано.

– Да, – ответил комендант. – Есть у него такое развлечение. Тут воронов много близ крепости живёт. Вот он их и пытается ловить. Одного даже поймал. Сперва долго прикармливал – оставлял съестное на окне, – а затем умудрился поймать и выдрал ему все перья из крыльев. Этот ворон с ним в комнате жил. Долго жил. Может, полгода, а затем исчез. Я спросил, куда ж этот пернатый жилец подевался.

– И что ответил узник? – молодой флорентиец аж дыхание затаил от любопытства, потому что история, которую он сейчас слушал, тут же связалась в его голове с вороном на гербе Его Величества короля.

«А этот Дракула – настоящий изменник! И не раскаивается!» – подумал Джулиано, повторив свой вопрос:

– Так что же ответил узник?

– Сказал, что ворон улетел, – проговорил комендант.

– Улетел? – с недоверием переспросил флорентиец.

– Вот и я не верю, – кивнул комендант. – Уж не знаю, что стало с этой птицей, но наверняка умерла она мучительной смертью.

– А Его Величество знает об этом происшествии? – насторожился Джулиано.

– Его Величеству я письменно доложил всё, как было, – сказал комендант, – но никаких новых распоряжений после этого мне не давали.

– Что ж, – флорентиец пожал плечами, – такое обращение с птицей вполне соответствует тому, что я слышал об узнике ранее.

Юноша старался выглядеть спокойным, но в глубине души заволновался, потому что вдруг представил, что придётся посещать Соломонову башню каждый день и смотреть в глаза этому страшному человеку, который там заперт. «И ведь я сам сказал коменданту, что буду ходить в башню вместе с учителем, – с тоской подумал Джулиано. – Лучше б я этого не говорил».

Сразу вспомнились все ужасные рассказы о Дракуле, слышанные ранее, но последним в этой череде оказался не такой уж ужасный рассказ о купце и ста шестидесяти золотых монетах, услышанный во время путешествия по реке. Ах, как захотелось флорентийцу поверить словам корабельщиков, утверждавших, что Дракула «добрый человек»!

«О, если бы он и в самом деле был добрым! – мысленно сокрушался Джулиано. – Но, к сожалению, он злодей. Страшный злодей! И, как теперь выяснилось, этот злодей не оставил своих жестоких привычек даже в заточении! А что будет, если он вдруг рассердится на меня или на учителя? Сможем ли мы защитить себя? А вдруг прольётся кровь?» Ученик придворного живописца уже представил собственную кровь, льющуюся на пол, поэтому вздрогнул, когда комендант предложил:

– Сходим сейчас к нему?

– К кому? – глухим голосом спросил флорентиец.

– К узнику, – пояснил комендант таким обычным тоном, будто речь шла вовсе не о Дракуле. – Тебе разве не любопытно? Тащился в такую даль и уйдёшь, не посмотрев?

Джулиано побледнел, но решил, что противиться встрече с неизбежным глупо. Ведь рано или поздно пойти в башню придётся. К тому же он ведь обещал дочке трактирщика взглянуть на узника и рассказать о том, что видел. Если бы не это опрометчивое обещание, флорентиец, может, отказался бы от предложения коменданта и ответил, что ещё успеет насмотреться на человека, с которого учитель будет делать портрет. «Эх, на что не решишься ради благосклонности красавицы!» – подумал юноша.

Меж тем комендант, видя, что собеседник витает в иных сферах, тронул его за плечо:

– Ну что? Пойдём? Чего задумался?

Джулиано окончательно очнулся и, чтобы не раскрывать своих истинных мыслей, произнёс:

– Мне вдруг пришло в голову... Если я пойду к узнику, то как мне к нему обращаться? Я должен называть его «господин Дракула» или по-другому?

– Мы зовём его «Ваша Светлость», – ответил комендант.

– Ваша Светлость, – повторил флорентиец, стремясь лучше запомнить, чтобы из-за волнения эти два слова не забылись в самый неподходящий момент.

Затем юноша спросил:

– А почему именно так?

– Так уж сложилось, – объяснил комендант. – Когда этого узника доверили нам, он уже не был правителем в своей земле, но ещё считался герцогом Амлаша и Фэгэраша, а к герцогу обращаются «Ваша Светлость». Затем, как я слышал, наш король забрал у него герцогство, и с тех пор узнику не принадлежит никаких земель, да и герцогский титул не принадлежит. Но мы-то уже привыкли, что нашего подопечного надо звать Светлостью. Да и он привык. К тому же распоряжение о том, что надо звать узника как герцога, было в королевском приказе, и никаких новых приказов на этот счёт не поступало. Вот мы и зовём, как велено. И ты так зови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.